

РЕВИЗОВ Н
СТАЛЬНЫЕ КЛЫКИ ЗВЕРЯ
ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ БОЕВИК

Николай Егорович Ревизов

Стальные клыки зверя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26891737

SelfPub; 2017

Аннотация

Картавый, бандит – убийца, половину жизни прошедший за колючей проволокой, развивший в себе нетрадиционные способности, вызывающие у противника чувство неуверенности и страха, бежит из лагеря, куда его определил, как он подозревал, кто-то из своих. Бывший ученый, вставший на криминальный путь, чтобы отомстить, чтобы в поисках сильных ощущений пережить личную трагедию, мобилизовав для этой цели свои незаурядные способности и знания ученого, упорно пытается начать новую жизнь, но обстоятельства..

Содержание

ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	22
ГЛАВА 5	29
ГЛАВА 6	35
ГЛАВА 7	42
ГЛАВА 8	48
ГЛАВА 9	55
ГЛАВА 10	64
ГЛАВА 11	70
ГЛАВА 12	75
ГЛАВА 13	84
Конец ознакомительного фрагмента.	109

РЕВИЗОВ Н

СТАЛЬНЫЕ КЛЫКИ ЗВЕРЯ

Остросюжетный криминальный боевик.

Автор: Ревизов Николай Егорович. Образование высшее. Энергетик. Работал в аэрокосмической промышленности. Автор ряда изобретений.

Автор пяти криминальных повестей опубликованных в еженедельниках. Автор книги «Без права пересдачи». 10 тыс. экземпляров.

Автор фантастического боевика «Стражи круга жизни.». Литресс.

Г.УФА 450015.. ул. 9-ое Января – 37.кв 5.

Тел. 8 917 44 23 001.

В глазах Картавого горел огонь, но он гас – за кругами пустых зрачков противника была пустыня – белая, уходящая за горизонт и что-то ему подсказывало: за горизонтом есть нечто... Картавый понимал: суть влияния взглядом у экстрасенса иная, чем у него, и что тот готовился долго и учителя у него были не простые, но и у Картавого были упорные тренировки. Он постарался сместить центр внимания с глаз

противника и глядеть боковым зрением – это ему удалось. Вновь проснулся внутри его зверь, и он почувствовал: противнику стало жарко в его же собственной пустыне. Экстрасенс такого поворота событий не ожидал, видимо он еще не получал отпора – в глазах его появился страх.

Картавый, бандит – убийца, половину жизни прошедший за колючей проволокой, развивший в себе нетрадиционные способности, вызывающие у противника чувство неуверенности и страха, бежит из лагеря, куда его определил, как он подозревал, кто – то из своих.

Бывший ученый, вставший на криминальный путь, что бы отомстить, что бы в поисках сильных ощущений пережить личную трагедию, мобилизовав для этой цели свои незаурядные способности и знания ученого, упорно пытается начать новую жизнь но обстоятельства...

– Череп! – закричал Рыжий, увидев, как бандит бросился в угол, где кучей лежали вещи.

– Вижу! – Егоров кинулся за ним, но на его дороге встал Тарзан. Он выставил вперед руки, намереваясь перехватить Егорова, но тот, не останавливаясь, резко ткнул его концом трубы в челюсть. Бандит, вскрикнув, зажал лицо обеими руками и, не видя, побрел к стене. А Череп уже выхватывал из-под мешков автомат, но времени взвести его не было, Его-

ров уже заносил обрезок трубы... бандит инстинктивно поднял оружие над головой. Рыжий с изумлением увидел, как Егоров одной лишь кистью руки бросил трубу, уже занесенную для удара сверху, вниз, и конец ее, описав в воздухе полукруг, ударил бандита в подбородок снизу. Тот рухнул на колени. Егоров принял из его рук автомат. Череп медленно завалился на бок. Прошли считанные секунды. Два бандита, вырубленные Егоровым

Они идут каждый своим, полным опасностей и крутых поворотов, путем но, в конце концов, должны неизбежно встретиться, что бы в смертельной схватке определить, кому остаться в живых, а кому...

Но этот взгляд глаз взбесившегося зверя, минуя сознание, замедлял ток крови. По телу расползлась противная слабость. Еще минута, другая и...

– Надо успокоиться – уговаривал себя Егоров. – Это же всего лишь человек. В голове должны оставаться только сигналы, а все остальное... но он замороженно смотрел в глаза – пугающе нечеловеческие, и с тоской читал в них свою судьбу.

ГЛАВА 1

Деревянный забор, размеченный чередой сторожевых вы-

шек, неприступно опоясывал пологую вершину холма. Часовому с вышки были хорошо видны и мрачные приземистые бараки, и просторный плац, и люди, которых здесь именовали коротко и пронзительно – зек!

Зона! Кому на Руси незнакомо это звенящее, полное тоски и страха слово! Скольким в России пришлось познать его не понаслышке!

Казалось, не только человеческая цивилизация, страшаясь и ненавидя, отгородилась здесь от заключенных, но и сама природа тоже возвела вокруг заборы, – ощетинившись пиками елей, хребты круто вздыбили горизонт, и на стражу встали громадные вершины...

В бараке было шумно, пахло больницей. Картавый сидел на нарах и в который раз клял себя – он только-только распечатывал червонец. Неужели придется все десять...

– Надо же уродиться такому козлу!

Картавый знал – с воли не помогут, бежать будет трудно, считай, невозможно. Колючка еще не все, хотя покинуть зону надо суметь – тайга тоже проблема. Конечно, это уже воля, но в лесу жить не будешь, а сотни километров тайги – это множество рек и речушек, горы и болота, а буреломы, бывает, тянутся на десятки километров, но ближе, ни к жилью, ни к трассе не выйдешь – засекут тут же. Здесь все схвачено! Нужна помощь... Марек не помог, а как клялся, падла, добраться бы до него. Картавый переждал приступ бешенства и стал перебирать в памяти тех, кто мог бы ему помочь.

–Карим – Казань? Да нет, тот стал бизнесменом, двадцать человек охраны, своих не признает. Череп? С таким только связываться! Да и не было у того своих никогда. Старик? Вор в законе – тот по уму не сделает, тот живет прошлым, а сейчас времена... Емеля? А что? Хотя и не авторитет.

По бараку зычно пронеслось:

– Выходи строиться!

В столовую строились быстро, совсем не так, как на работу – когда Картавый выходил, злые голоса уже торопили опаздывающих.

В деревянном бараке с вывеской "Столовая" заключенные с шумом бросились занимать места за длинными столами. Картавый не торопился. Не торопились садиться еще трое. Один из них, невысокий, с лисьей физиономией, по кличке Чинарик, хищно, нарывисто оглядывал сидящих за столами зеков. Те поспешно прятали глаза. Чинарик "держал" зону. О нем Картавый уже был наслышан. Второго он тоже знал – высокий, плечистый Кабан мужик заметный. Он стоял рядом с Чинариком и смотрел пустым скучающим взглядом куда-то поверх суеты. Третьего Картавый видел впервые. Тот что-то говорил, дергаясь всем телом, явно изображая из себя блаженного.

–Дешевка! – глядя на него, заключил Картавый. Эти трое были явно сытые. Приблатненный подошел к парню, что сидел у торца стола, и, кинув по сторонам взгляд, сбросил того бедром со стула. Парень от неожиданности сел на пол.

Несколько человек гоготнули. Парень не спеша, поднялся. Его черные выразительные глаза сверкнули. Взгляда он не прятал.

– Парень-то не трус, – отметил Картавый, – и, похоже, что с хорошей памятью – это они зря так!

Заклученные расселись по местам и дружно застучали ложками. Он вздохнул и тоже двинулся к свободному месту, но на его пути встал приבלатненный – лагерная кодла решила прощупать новенького! Картавый ударом плеча продавил себе дорогу. Приבלатненный прошипел что-то, но сел к своим, и, тут же, принялся объяснять корешам что он сделает с этим. До Картавого долетали обрывки угроз:

– Да я ему ... да он у меня!

Картавый знал: если он не хочет ходить по зоне, опустив глаза, а он этого не хочет, то схватки с этими ребятами ему не избежать. Как утверждал Рэм, по кличке Полковник, первым начинать выгодно – ты выбираешь место и время, изображаешь ситуацию. Но главное, это сбивает с толку, неожиданность вызывает страх и растерянность, а страх изгоняется далеко не сразу.

Разогрев себя, приבלатненный прошипел, обращаясь уже к Картавому:

– Ну, ты. Гад! Готовься...

Картавый поднялся и, перегнувшись через стол, процедил сквозь зубы:

– Заткнись, засранец!

Заключенные замерли.

– Ах, ты – падла! – в тишине визгливый голос приבלатенного резанул слух. – Гад, позорный! Я тебе кишочки-то выпущу!

Захлебываясь угрозами, зек медленно поднимался со своего стула.

– Брезгунов, на место! – охранники бросились к заключенному, лицо которого корежила дикая злоба.

– Понял? Нет? – орал тот, выбираясь из-за стола, но его уже обступили и заломили руки.

Картавый придвинул к себе миску. Взял в руки хлеб, спрессованный из кусков, которые уже послунывили чьи-то рты, и, сделав вид, что ему на все плевать, принялся есть. Чинарик взглянул в его глаза и нахмурился. Картавый догадывался: тот увидел в его прозрачных, вызывающих оторопь – как утверждал Рэм, глазах незнакомую угрозу. В столовой вновь застучали ложки, но не так быстро, как вначале. Заключенные, осмысливая увиденное, догадывались: в лагере скоро произойдут события.

ГЛАВА 2

Прижимаясь спиной к стене, Егоров сполз ниже. Рыжий поставил ногу в его сцепленные руки и тот поднял его. Рыжий вытянул кверху руки, пытаясь достать край перегородки. Коридор летнего кафе был узок, дверь, ведущую в зал,

откуда доносились пьяные голоса, они застопорили ножкой стула.

– Еще! – еле слышно попросил Рыжий. Егоров приподнял его чуть выше. Вдруг дверь со двора отворилась, и на пороге возник официант – черная рубашка, белая бабочка, его глаза полезли на лоб, он мгновенно метнулся обратно. Егоров сбросил Рыжего с рук, тот выдохнул:

– Рвем?

Они рванули в ту же дверь. На заднем дворе летнего кафе никого не было. Дружно перемахнув невысокий забор, подельники оказались на улице. Егоров мельком заметил у подъезда кафе полицейскую машину. Они бежали вдоль забора, позади взревел двигатель, завывала сирена. Егоров кинулся в переулок, и почти сразу же за ним, визжа шинами, нестерпимо ярко сверкая мигалкой, повернула машина – его заметили! Подхватывая на ходу тяжелую урну, он забежал в подъезд, и бегом вверх по лестничному маршу. Внизу взвизгнули тормоза, дружно хлопнули дверки. Не останавливая движения, Егоров швырнул урну в окно лестничной площадки и тут же кинулся в образовавшийся черный проем вслед за осыпающимися стеклами. Поймав ногами асфальт, он перебежал улицу – ту сторону фонари не освещали. Было слышно, как за домами набирала скорость машина. Егоров бежал под пологом ночи, почти не видя, что у него под ногами, лишь догадываясь, что впереди. Неподалеку истошно вопила сирена, блики мигалки бились по крышам и стенам.

Он бежал в никуда – лишь бы скрыться, лишь бы раствориться среди домов, хотя бежать опасно – ночью на улицах полно ментов, можно запросто напороться, а он вроде оторвался от погони, но бешеный ритм бега, больно бившаяся в потоках кровь, не давали сосредоточиться, понукая бежать и бежать, и он бежал, как заяц, попавший под яркий свет фар. Адреналин, придуманный природой лишь для форсажа мышечных усилий, кипел в голове, не давая мозгу работать – инстинкт и разум сейчас мешали друг другу – Егоров никак не мог сообразить, куда свернуть, чтобы укрыться, залечь! Он поворачивал наугад, почти не узнавая улиц, на которых столько раз бывал.

Вдруг сирена смолкла, блики пропали, и бег его сразу же замедлился, он в очередной раз повернул и увидел рекламу – огромный щит во всю стену старого дома – «Деньги в рост!» – его озарило – за домом переулок и спуск к реке. Егоров бросился через дорогу, но, услышав работу двигателя, метнулся обратно, из-за угла вывернул «УАЗ» с синей полосой на желтом боку. Прижавшись к стене, Егоров с остановившимся сердцем наблюдал, как мимо едет машина без огней, в ней сидели люди в форме и смотрели в окна.

Он вжался в кирпичную кладку, страстно желая размазаться по ней – сделаться невидимым. Видимо его укрыла косая тень от угла здания напротив, загородившая свет яркой рекламы – его не заметили! Машина скрылась за углом. Выждав с минуту, Егоров побежал через улицу.

Вдруг в глаза ударил яркий луч света, взвизгнула сирена, взревел, набирая обороты двигатель, за квартал от него, с места рванулась машина. Егоров пролетел переулок, съехал вниз по косогору, и оказался в кустах, росших вдоль берега реки.

Наверху скрипнули тормоза, хлопнули дверки, и озабоченный голос заметил:

– Он где-то здесь, далеко уйти не успел?

Егоров, уткнувшись лицом в траву, проклинал себя, жадные разговоры напарника и некстати появившегося официанта.

– Только бы не сесть в тюрьму! Только бы не сесть, – молил он судьбу, напугавшую его – только бы ... если что, так лучше в петлю.

– Где же его здесь найдешь? – прозвучал голос.

– А я и не собираюсь его искать! – ответил невидимый собеседник.

– Ну и хрен с ним, поехали!

Хлопнули дверки, машина тронулась с места, и вскоре звук работающего двигателя утонул в глухом ворчании устраивавшегося на ночь города.

На кражу в кафе его подбил Рыжий. Они зашли туда перекусить. После второй стопки, напарник принялся комментировать действия бармена:

– Делает коктейли, а касса у него не прикрыта, если перелезть через стену, где стоят ящики, проползти ужом под

стойкой и секунда... смотри, сколько денег здесь оставляют!

Егоров присмотрелся к суете бармена, расположению кассового аппарата – вид денег его возбудил, и он дал себя уговорить.

ГЛАВА 3

Тучи появились со стороны перевала, через который шла дорога к Транссибирской магистрали. Всклоченные, тяжелые, они вскоре накрыли лагерь, но дождя не случилось, упало, было, несколько капель и на этом дело закончилось.

В воздух поднялись тучи комаров и мошек, Картавый шел в барак и нещадно бил себя по щекам и шее. Заканчивался его первый рабочий день. В промзоне было организовано лесопильное производство. Лес пилили зимой, а весной, когда наполнялись водой малые реки, бревна сплавляли вниз, в промзоне их поднимали из воды и распускали на доски, брусья, бруски, отходы дробили в щепу. Он в очередной раз съездил себе по шее и заметил: рука его вся в крови. Картавый уже подходил к своему бараку, как услышал резкий голос майора Рябова – начальника оперативной части лагеря. На плацу, в две шеренги стояли вновь прибывшие заключенные. «Кум» доходчиво объяснял им правила поведения в зоне:

– И не думайте, что я вас пугаю! – то и дело вставлял он свое излюбленное выражение.

Вновь прибывшие были разные: высокие, и не очень, брюнеты, блондины, но одинаковая одежда, пародирующая форму, тоскливые глаза, крепко поджатые губы, выражение об-

реченности на лицах, делали их похожими друг на друга. Майор красочно перечислял кары за несоблюдение режима. Картавый уже прошел мимо, как вдруг краем глаза поймал чей-то жаркий ненавидящий взгляд. Он резко повернулся, но в это время Рябов дал команду:

– Налево!

Шеренги повернули, а затем тяжело зашагали. Он усмехнулся – кто-то из новеньких знал и не любил его. Картавого не любили многие, очень многие:

– Ну, что ж поживем – увидим!

Он поднялся по деревянным ступеням и потянул на себя железную скобу двери. Картавый обживался в зоне. После тех событий в столовой он стал знаменит. За спиной шептались.

– Тот самый!

– Ну, дает...

– Правильно поучил козлов...

– Рога – то обломают ему. Кабана не знаешь, что ли?

– Да как сказать...

Картавый сел на нары и низко опустил голову:

– Надо уходить... надо уходить. Емеля поможет. Поможет, потому что знает: Картавый в долгу не останется – у него все долги оплачены: и те, кто помог ему когда-либо, и те, кто вставал на его пути, получили сполна, и он обязательно разберется – судьба ли это устроила его в лагерь или ...

Домой Картавый гонца слать не мог. Если его подставили,

то к кому посылать? Вначале следовало разобраться.

– Надо уходить... надо как-то уходить...

Картавого арестовали ночью, утром предъявили обвинение в убийстве гражданина Баранова. За день раньше Картавый у этого гражданина был в гостях, а когда уходил, тот был жив и находился в отличном расположении духа. Картавый не знал, убили ли Баранова, или просто Барана, из мести – у того, слава Богу, врагов хватало или убили, что бы подставить его – Картавого!

– Надо уходить... надо уходить, – билось в голове.

– Да вон он сидит, – громко прозвучал чей-то голос.

Картавый обернулся, к нему пробирался чернявый парень, тот который недавно схлопотал в столовой.

– Слышь, – он подошел и сел рядом, – тебя завтра после отбоя делать придут.

– Знаешь откуда?

– Да весь лагерь говорить, так что будь готов.

– Я всегда готов!

– Я приду...

– Звать-то тебя как?

– Цыган, – представился парень.

– Статья?

– Хулиганка!

– Какой срок?

– Три. Двадцать один день остался, а там – воля!

– Да... – протянул Картавый, а Цыган заторопился:

– Я говорил с ребятами! Косой придет, они его на днях сделали. Говорит, гадом буду, если не отмажусь. Правда, силенок у него маловато, но отчаянный! Васька Барахло придет, тот крепкий и не из пугливых, я видел его в деле!

Цыган замолчал.

– Все, что ли? – усмехнулся Картавый.

– Да, говорил еще кое с кем... Боятся. Один Кабан чего стоит! А Чинарик приведет с десяток, не меньше. Ладно, еще Брезгун в карцере. Да, еще Люкша подойдет. Хотя от него толку совсем нет. Выпускают его по болезни, ходить-то уже не может...

– Вот видишь, нас уже пятеро!

– А их сколько! А что Косого-то считать? А Люкшу... ох, он так ненавидит Чинарика. Тот ведь еще недавно шестерил на Люкшу, а сейчас объявил себя авторитетом... Многим бы хотелось дать по рогам Чинарику. Боятся только...

– А ты не боишься?

Цыган внимательно посмотрел Картавому в глаза:

– Ты-то, вижу, не боишься.

– Я что, я заговоренный.

– Ладно, пойду... – Цыган поднялся и направился к выходу.

Свой первый срок Картавый получил в восемнадцать лет. Много воды утекло с тех пор. Характер он имел задиристый, и имел много проблем. С раннего детства он дрался на улице, район был неблагополучный – приходилось защищать себя,

да иногда побить хотелось когонибудь: душу отвести. Однажды в камере он нарвался, его избил зэк, он даже мог подумать, что такой может справиться с ним. Хотя тот и был крупнее его. В их камере сидел странный зек. Звали его Рэм, а кликали Полковником. Тот после драки заметил:

– Когда дело имеешь с более сильными, надо иметь в запасе несколько нестандартных приемов.

– А что я мог бы сделать с этим?

– Помнишь, он пер вперед растопылив пальцы. Надо было ухватить его за палец и заломить его кверху, тогда бы он присел, а затем бить его коленом в челюсть. Удар получается сильным. Дух выбивает напрочь. Несколько раз пробовал – результат отличный.

Заклученный боялись Рэма, хотя тот был на редкость спокойным и агрессивности не проявлял. Ему вешали шесть убийств. Картавый сдружился с ним. Когда он сообщил Рэму, что его боятся, тот улыбнулся:

– Знаю? Хочешь, чтоб и тебя боялись?

Картавый хотел.

– Вот возьми узенькую доску, перекинь ее с табурета на табурет, пройдешь хоть десять раз. Если эту же доску перекинуть с крыши на крышу высоких домов, шиш пройдешь. Упадешь тут же!

– Ну, страх перед высотой – это понятно!

– Страх – да, но не обязательно перед высотой. Страх он и есть страх. Страх, когда вышибает мозги, когда ноги слабе-

ют, когда в руках пропадает сила. Я тебе много мог бы рассказать о страхе. Страх – великая вещь! Если ты научишься внушать страх... знаешь что такое внушение?

– Знаю.

– Интересно. Что знаешь?

– Значит, еду я как-то в переполненном автобусе, и сзади ко мне прижали приятную женщину, я проехал так с десятков остановок, балдел, возбуждался. А потом увидел: меня прижали не к женщине, а к мужику. Так стало противно.

Полковник хохотнул и внимательно посмотрел в лицо Картавого:

– Глаза-то у тебя какие? Прямо оторопь берет. Тебе бы научиться владеть взглядом!

Картавый учиться был не прочь. Полковник дал ему кусок зеркала и заставлял часами смотреть в свои собственные глаза – это занятие неожиданно оказалось интересным, то появлялись странные мысли, то он переставал узнавать себя...

Картавый вздохнул и обежал взглядом помещение барака.

Немногочисленные светильники скупо освещали грубо тесаные бревна стен и длинный ряд двухъярусных нар, на которых, то сидели по одному, то сбивались кучками заключенные. В бараке стоял плотный гул голосов, иногда этот гул раскалывался громким хохотом, а то вдруг умолкал, и в напряженной тишине звенели наполненные ненавистью голоса. Ближе к входной двери с десятков молодых зеков плотно окружили нары, на которых сидел полный парень в очках.

Он о чем-то серьезно толковал, его слушали молча и внимательно.

О чем шла речь, Картавому было плохо слышно, да он и не прислушивался. Рядом с ними, спиной к разговору сидел Никодимыч, зек по фамилии Никодимов. Картавый не раз замечал: стоит только собраться вместе несколькими зеками, Никодимыч оказывался тут как тут. Он не пользовался уважением, но его явно тянуло к людям. Еще по нескольким нарам кучковались заключенные, но многие уже спали.

ГЛАВА 4

Рыжий, хотя и торопился, но, тем не менее, не забывал незаметно оглядываться, как наставлял его Егоров, – за ним могли следить. Свернув за угол, он перешел на другую сторону улицы, прошел мимо дома, а затем вернулся, внимательно вглядываясь в лица редких прохожих.

Дом Егорова с улицы впечатления не производил, но зато внутри! Высокие потолки, лепные украшения, на полу дубовый паркет, в гостиной камин из дикого камня, отделанный благородной бронзой. Егоров как-то говорил: в этом доме жил купчишка, тот купчишка-то, видно, был не из последних. Рыжий прошел вдоль штакетника и толкнул калитку. На полу большой и светлой веранды, как всегда стояла штанга, лежали несколько разборных гантелей. Егоров, ни ростом, ни шириной плеч не отличался, но однажды он потрянул напарника, да так, что у него до сих пор при одном воспоминании об этом ломило в плечах. Рыжий открыл дверь, снял в прихожей ботинки и прошел в комнату.

– А! Проходи! – как всегда с насмешкой в голосе, пригласил Егоров.

Он сидел за столом, на столе шахматы, горел экран ноутбука, при виде напарника Егоров откинулся на спинку стула, тот прошел к дивану.

Рыжий был невысок, лицо худое, густо усыпанное веснушками. Голова имела странную форму, словно ее когда-то сжали с боков, и она так и осталась на всю жизнь. На его лице постоянно висела та полуулыбка, по которой легко отличить уголовника.

– Как у нас дела? – спросил Егоров. Ему страшно не хотелось, что бы напарник принялся переживать события у кафе.

– Да по-прежнему, – отозвался тот.

Они собирались взять магазин... этот магазин Егоров заметил на прошлой неделе, когда проходил мимо подсобных помещений центрального универмага. У железных ворот стояла женщина – охранница, ее лицо показалось Егорову знакомым. Он присмотрелся и ахнул – эта рыхлая вульгарная женщина была его первой любовью!

– Как обломала жизнь человека! – удивился Егоров.

Он прошел рядом с ней – его первая любовь открывала перед тяжелым грузовиком ворота. Глядя на нее, никак не верилось: как могли когда-то огромные голубые глаза так выцвететь, сделаться наглыми и затеряться на круглых задубелых щеках.

Вечером, у горящего камина, Егоров вспоминал детство, свою первую девчонку, тоненькую, нежную, она все прятала лицо и робко отвечала на его поцелуи. Что же могло произойти с ней за эти годы? Он вдруг понял, что вспоминает не только девчонку и свое детство, перед его глазами все чаще и чаще вставали железные ворота, за которыми распола-

гался тесный дворик, куда выходили черными ходами магазинчики, витринами глядевшие на улицу. Егоров отметил: в дворик попасть пара пустяков, несмотря ни на забор, ни на колючку. Он поделился с Рыжим своими наблюдениями. Тот на другой день сходил и глазом профессионала оглядел примыкавший к складам универмага дворик и подтвердил – проникнуть во двор дело пустячное! И подломать дверь магазинчика тоже будет нетрудно. Они наметили для кражи магазинчик побогаче, в котором торговали часами, роскошной импортной посудой и еще кое-какими дорогими вещами. Затем по очереди в течение недели следили за подсобными помещениями, отмечая, как несли службу охранники, и днем, и по ночам.

– Так, давай обсудим детали! – предложил Егоров.

– Подожди, курну!

В доме Егорова курить не полагалось.

Рыжий направился к двери, достал сигарету, прикурил от зажигалки, имитирующей форму пистолета, и вышел, уже за дверью выпуская дым. Курил он недолго, когда вернулся, Егоров попросил:

– Покажи зажигалку.

Тот достал ее и щелкнул, высекая пламя, а затем, притушив огонь, протянул зажигалку шефу.

– Как похоже, – удивился тот. – "Макаров", да и только!

В зоне, наверное, делали.

– А то где же? Там есть мастера!

– Даже вес подходит, – добавил Егоров, качая в руках игрушку.

– Знаешь, – мечтательно произнес Рыжий, – я хочу купить себе настоящий.

– Да на что тебе?

– У тебя же есть.

– Ну, вообще-то, дело твое.

– Да я чуть не купил недавно, ладно, шепнули: меченый, мол. Из него главного архитектора шлепнули. Поди слышал?

– Слышал. Вот так купишь себе с пистолетом чужой срок – это ведь дело такое...

– И не говори!

– Ну, давай обсудим детали...

– А че обсуждать-то, в натуре? – Рыжий повел плечами. – Ведь все ясно! Че мусолить-то?

– Ну, ладно...

– Да все будет на мази!

Егоров усмехнулся и предложил:

– Ты, давай, тогда иди. Встретимся, как договорились!

Рыжий поднялся и, не прощаясь, вышел, закрыв за собой калитку, он двинулся на остановку.

В автобусе, протиснувшись вперед, Рыжий принялся изучать карманы, правда, только глазами – Егоров строго-настрого запретил ему заниматься излюбленным промыслом.

Вот этот карман он мог бы взять запросто. Рыжий взглянул в глаза хозяина кармана – точно, раззява! А вот еще один

стоящий...

– Надо же, когда нельзя...

Проехав с десятков остановок, он решил, что неплохо бы пройтись пешком. Рыжий стал пробиваться к выходу. На улице уже темнело. Горели фонари, по тротуарам шли прохожие, которым до него не было дела.

– Ну, привет. – Услышал он за спиной и обернулся, сзади шел Гоблин – его давний подельник, севший три года назад за пустой карман. Мосластый, с бритой головой и оттопыренными ушами, его маленькие глазки смотрели недобро.

– Когда откинулся?

– Да на днях. Следил за тобой в автобусе. Что-то ты все мимо, да мимо.

– Да я сейчас не по карманам.

– Масть что ли поменял.

– Да типа того.

– Возьми в дело.

– Да не могу, не от меня зависит.

– Так замолви словечко.

– Бесполезно.

– Ты что-то мне не нравишься. Не могу, не хочу. Ты мне в зону бухло хоть раз заслал?

– Я тебе не девочка что бы нравится.

– Ну, смотри.

– Не пугай.

Недовольный Гоблин отстал. Рыжий продолжил путь и

тут же забыл про бывшего напарника. Он долго шел по центральной улице, затерявшись среди людей, чьи лица были разукрашены светом реклам в фантастические цвета. Рыжий взглянул вверх: сумеречное небо опустили тяжелые тучи – похоже, будет дождь. Дождь не помешает. На глаза попали часы, что висели на углу – время в запасе еще было. Его вдруг заколотило, ему стало страшно – кража занятие опасное, чуть что не так, и «век свободы не видать». Но в глубине души было что-то... с некоторых пор Рыжий боялся умереть на свободе.

Однажды во время карточной игры пустяковая поначалу ссора неожиданно обернулась кровавой поножовщиной. Рыжий стоял в толпе и наблюдал, как два полицейских, не скрывая отвращения, бросили труп незадачливого игрока в машину, и при этом голова того жутко стукнулась об пол.

– Собачья работа, – злобно проворчал один из ментов, отталкивая ногой труп с прохода.

В толпе настроение было совсем не грустное, какое вызывает обычно вид покойника. Все оживленно судачили, радостно констатируя, что вот еще одной сволочью стало меньше, и никто даже не снял шапки.

В лагере умирали по-другому. Смерть волновала заключенных, об умершем говорили хорошо, долго вспоминали... Рыжий хотел умереть в лагере – страшно было подумать, что его смерть кому-то доставит удовольствие...

Он бросил взгляд на руку, стрелка часов все же двигалась,

Рыжий прикинул, инструмент подготовлен... наверное, уже пора!

ГЛАВА 5

Промзона расположилась на берегу небольшой быстрой реки. Старый деревянный корпус лесопильного цеха тянулся вдоль нее, а новый бетонный, мебельного производства, стоял на косогоре. Там же была столовая, управление и медпункт. А всю остальную территорию занимали бунты – скатанное в горы множество бревен, между бунтами высились штабеля досок. Повсюду висел запах прелой коры и свежеспиленной древесины.

Картавый, закрыв глаза, сидел на бревне. Со стороны казалось, что он спит, на самом же деле Картавый напряженно размышлял... лагерный режим внешне он соблюдал – было нужно, чтобы его возили на работу – из промзоны уйти много легче. А работа была тяжелая. Шесть мужиков с помощью длинных металлических крючьев закатывали на лесотягу – движущуюся массивную цепь, с шипастыми металлическими поперечинами, бревна. Лесотяга тянула их вверх по эстакаде в помещение лесопильного цеха.

Но Картавый практически не работал. Потеря пары рук сказывалась чувствительно. Мастер биржи сырья – вольнонаёмный, полный рыхлый мужчина с красным равнодушным лицом, видимо много чего повидавший, делал вид, что ничего не замечает. Мужики недовольство скрывали, при по-

явлении Картавого обрывали разговор и становились угрюмыми.

Картавый закрыв глаза, обдумывал план побега. Побег – это не просто расчет, это уравнение с множеством неизвестных. Здесь нужно поискать удачу, а удачу в долг не попросишь. Картавый думал и думал и вдруг понял: мысли его уже повторяются и повторяются. Он, вздохнув, поднялся, неторопливо прошел к реке, и уже в который раз осмотрел здание управления.

Путь на волю пролегал через медпункт – это он решил уже точно. Следовало узнать распорядок дня, кто там работает, их привычки, сейчас ему нужна любая информация. Он долго смотрел на часовых: на угловой вышке и вышке у здания управления, отмечая, кто как несет службу, кто куда смотрит, не отвлекается ли. Он смотрел и укреплялся в мысли, что задуманный им план наиболее подходящий, да и в голову больше ничего не шло. Он вернулся на рабочее место, вновь уселся на бревно и, закрыв глаза, принялся просчитывать неблагоприятную ситуацию, что могла возникнуть при побеге.

В побег Картавый уже сходить пытался – это был его второй срок. Сманил его в побег Старик, на счету которого их уже было несколько.

– Осталось мне полгода, – возражал поначалу Картавый. – Все равно на волю!

– Ну и что! – ухмылялся Старик. – Ты вор и жизнь твоя

должна быть воровской, жить по своим понятиям. Да ты не бойся – не пропадем!

Картавый согласился...

С ними пошли два мужика, одному написали, что жена загуляла – тот обезумел, второй пошел с ним за компанию. Свои не пошли – Череп заявил, что никуда не торопится, Карим-Казань, вроде, хотел, но затем передумал. Емеля не хотел, чтобы Картавый уходил:

– Тебе сидеть-то? А? Бежать опасно...

Но Картавый пошел. Уходили рано утром, едва рассвело. Было дождливо, погода – только бежать! Они пробрались к деревянному забору, густо опутанному колючкой, она производила впечатление непреодолимой преграды, но Старик лишь усмехался. За забором, метрах в тридцати, проходил охранный периметр – шеренга железобетонных столбов, на расстоянии метров восьми друг от друга, на них туго натянутая колючая проволока в шесть рядов, между ними не пролезть.

– Проволоки-то! – прошептал один из мужиков.

– Возьмем кусачками, – объяснил Старик и продемонстрировал мощный инструмент.

– А часовой? – спросил Картавый.

– Один солдатик по утрам дремлет...

Первым пошел мужик, чья баба загуляла.

– Ну, с Богом! – шепнул Старик, вкладывая тому в руки тяжелые кусачки.

Мужик легко перебрался через забор, и колючка ему в этом не воспрепятствовала, затем, пригнувшись, он добежал до охранного периметра. Второй мужик перемахнул забор вслед за первым. Полез было и Картавый, но его удержал Старик.

– Секунду подожди...

Вдруг тишину раннего утра распорол автоматные очереди. Мужик, добравшийся до охранного периметра, взмахнул руками, в сторону полетели кусачки, тело его обмякло и повисло на проволоке. Второй упал ничком в траву и пополз обратно. Раздался лай собак, и в охранной зоне появились две овчарки. Мужик вскочил и бросился к деревянному забору. Он уже ухватился за верх досок, осталось только подтянуться. Картавый в щель меж досок видел его напуганное лицо, но тут собака ухватила его за ногу и стянула ботинок, вторая овчарка схватила его за пятку, и через пару секунд на месте пятки торчал белый мосол. Мужик дико кричал...

Картавый очнулся от воспоминаний. Побег – дело опасное, но что делать? Не сидеть же десять лет!

Мужики катали бревна, изредка раздраженно бросая:

– С утра баланды не досталось, что ли?

– Разуй глаза-то, листвянка ведь!

– А ты кати...

– С Косым надо посоветоваться, – решил Картавый – тот в медпункте свой!

Косого утром к нему приводил Цыган и мельком упомя-

нул, что тот садится на справку, когда захочет. Косой с восхищением смотрел на него и скалил зубы:

– Помахаемся сегодня!

Картавый поднялся и направился в сторону лесопильного цеха, когда проходил мимо бунта – высокой горы бревен, сзади послышался шорох, он резко обернулся – за бунт метнулась фигура. Картавый поспешил обратно, но за бунтом уже никого не было. Он обошел гору бревен, затем другую – фигура как сквозь землю провалилась. Картавый усмехнулся, поднялся к цеху и с трудом отворил тяжелые ворота.

Косой стоял, опершись о лопату, которой сгребал опилки – он был невысок, худ, но шустрый. Картавый попытался разговаривать, но в лесопильном цехе было шумно, огромные пилорамы заглатывали длинные бревна, и зубья пил лихорадочно грызли их, распуская на доски. Приходилось кричать. Наконец, Картавому это надоело, и он показал рукой на дверь, мол, выйдем. Косой кивнул, они вышли. Яркое солнце и теплый летний ветерок заставили Картавого стиснуть зубы – ему вдруг до боли захотелось на свободу.

– Врач здешний – сачок, – объяснял Косой. – На месте шиш найдешь. А медсестра, тетка лет сорока из поселка, в медицине ни в зуб ногой.

– А ты вправду болеешь или косишь?

– Я же Косой, мне и положено косить, – ухмыльнулся тот. – Как доски сортировать ставят, я царапаю ногу, а царапину мажу заветной мазью. Через пару часов появляется

опухоль, я хромаю в медпункт. Мне тут же освобождение, а потом легкий труд. "Мастырчик" получается что надо! Меня один врач научил, у "хозяина" были лет пять тому назад.

– Дашь немного? – попросил Картавый.

– Конечно, – согласился Косой и вдруг кивнул в сторону двоих заключенных, что курили на бревнах. – Шестерки Чинарика, махаться сегодня придут!

– Да? – Картавый на минуту задумался, затем неожиданно заторопился. – Ладно, пойду!

Он направился к тем двоим, беззаботно гревшимся на солнышке. Заметив его, они насторожились. О Картавом в лагере шел такой базар! Этот зек был не похож на других, ишь глаза-то какие! – Картавый легко читал их мысли? – Чинарик с Кабаном не всегда будут рядом, а этому пришить человека плевое дело!

Картавый ощущал их страх и давил взглядом, заставляя тех бегать глазами. Рэм часто повторял, страх – болезнь заразная!

Резко прозвенел звонок, извещавший, что смена закончилась. Те двое облегченно вздохнули и разом снялись с места. Промзона пришла в движение. Все заторопились занять места в грузовиках. Картавый не спешил, его место занять уже никто не смел...

ГЛАВА 6

Ночь была воровская – как по заказу. На небе ни звездочки, луна показывалась изредка и ненадолго. Подельники укрылись в кустах. До забора универмага было не больше сотни шагов. Рыжий сидел на брезентовой сумке с инструментом и беспрестанно курил – он волновался. Егоров с виду выглядел невозмутимо, но волновался и он. Кража – занятие не для слаонервных, точно не рассчитать, многое зависит от простой случайности. Он уже несколько раз за вечер спросил себя:

– Ну, зачем? – хотя прекрасно знал, зачем и почему находится здесь. Сейчас его била дрожь, но он освободился, пусть на время, от тоски, что сжигала душу.

– Наташа! – прошептал он беззвучно, но чувство опасности притенило возникший было в памяти светлый образ.

– Сколько времени? – спросил Рыжий.

– К двум подходит, – отозвался Егоров.

– Угу, – промычал Рыжий.

Они замолчали. Время тянулось медленно. На соседней, центральной улице, несмотря на глухую ночь, было оживленное движение. Хотя пульс главной артерии города бился не так интенсивно, как днем, но, оказывается и ночью было достаточно людей, торопящихся по делам.

Рыжий вновь закурил, высекая зажигалкой крошечное пламя. Егоров бросил взгляд на часы: минутная стрелка продвинулась лишь чуть.

На нем была черная куртка, плотные темные брюки, на ногах кеды, на голове кепка. Рыжий же был в заношенной рубашке, в грязных, как всегда, джинсах, на ногах кроссовки. Они забрались в кусты с вечера, когда на улице еще были прохожие – ночью прохожий смотрелся подозрительно.

Егоров взглянул на часы, маленькая стрелка вплотную приблизилась к цифре три и прошептал:

– Пора!

Они поднялись и двинулись к универмагу. Первым пошел Рыжий, он подпрыгнул, подтянулся и исчез за забором. Получилось у него ловко.

– Вор прирожденный, – невольно отметил Егоров.

Вскоре голова Рыжего появилась над забором, тот выдохнул сквозь колючую проволоку:

– Тихо!

Егоров подал ему сумку, а затем и сам поднялся на забор. Колючка была напутана весьма бестолково и не очень препятствовала проникновению во двор. Егоров цепким взглядом осмотрелся. Два прожектора освещали двор, но толстая вентиляционная труба, поднимающаяся из полуподвала, давала тень, в которой оказалась дверь намеченного для кражи магазинчика. Тень достаточно надежно укрывала дверь и часть забора от взглядов из окна складского помещения,

где, как они определили, находилась вахта.

Егоров спустился с забора во двор и сторожко пробрался к двери магазинчика. Рыжий уже крутил домкрат, поднимая металлическую дверь. Та, вмянаясь, в деревянный вершник проема, сошла с петель. Они ее наклонили так, что можно было снизу протиснуться вовнутрь помещения, при этом, не нарушая проводку сигнализации, которую сделали, не мудрствуя лукаво, явно рассчитывая, что двери выходят на охраняемую территорию. За дверью сразу же располагалась решетка, ее наличие они предполагали. Рыжий вновь установил домкрат, и прутья решетки одна за другой лопнули и он ловко протиснулся в образовавшуюся щель. Егоров не успел – хлопнула дверь, кто-то вышел из помещения вахты.

– Замри! – бросил он в темноту магазина и быстро наклонил дверь так, что на первый взгляд подлома не было заметно, а сам прижался к вентиляционной трубе, лишь одним глазом наблюдая территорию двора. В дверях склада появилась охранница – это была его первая любовь. Она широко и сладко зевала.

– Может, зайдет обратно? – мелькнуло в голове, но та решила сиюминутно исполнить свои обязанности. Егоров убрал голову в тень, надеясь, что охранница остановится, но напрасно – его первая любовь приближалась. Ее тяжелые шаги были совсем не женские.

– Лучше бы ты вернулась, – тихо прошептал Егоров, на двигая на лоб кепку и сдавливая пальцы в кулак.

Женщина ахнула, увидев перед собой, внезапно возникшего из тьмы мужчину. Егоров невольно отметил разрез ее глаз, который ему когда-то так нравился, и ударил в челюсть – полная женщина рухнула на землю.

– Прости, любимая, – прошептал он и метнулся к магазинчику.

– Ну, что там? – с тревогой спросил Рыжий.

– Пока все в порядке, но надо торопиться, – бросил Егоров, обыскивая глазами темное небольшое помещение, где стоял лишь огромный бронированный шкаф с множеством ручек и блестящих колес. Вскрыть его не было, ни времени, ни подходящего инструмента.

– Что-нибудь нашел? – спросил он у напарника.

– Нету тут ничего, вот только ящик...

Егоров увидел деревянный ящик с надписями не по-русски.

– Берем и уходим! – бросил он.

Рыжий приподнял ящик.

– Тяжелый!

Они с трудом протиснули ящик в подломанную дверь. Рыжий взмахнул на забор, Егоров, словно штангу, поднял ящик, а напарник в неудобном положении, с трудом осилил тяжесть. Егоров оседлал забор и напоследок бросил взгляд на лежавшую женщину.

– Теперь ее выгонят, наверное. А что было делать?

Он спрыгнул за территорию склада в темноту, принял

ящик и поспешил прочь от забора.

Кустами пронесли ящик на соседнюю улицу, где стояла машина, и торопливо забрались в нее. Егоров отжал ручной тормоз, машина покатила под гору, через два квартала он включил зажигание, мотор тихо заработал... До утра стояли во дворе девятиэтажного дома, пристроившись в ряд к многочисленным машинам жильцов.

Только когда рассвело, и на улице образовался поток машин, они тронулись и подъехали к дому Егорова. Ящик внесли на веранду. Егоров достал гвоздодер и под жадным взглядом напарника принялся открывать его. В ящике оказалось множество коробок, красиво обтянутых красной кожей. Рыжий торопливо схватил одну из них, открыл и разочарованно протянул:

– Ложки!

– Да! – угрюмо подтвердил Егоров. – Ходка пустая.

Рыжий зло хохотнул:

– Помню, года эдак три назад, залез я аж на девятый этаж.

По балконам два часа забирался, наводка была точная – сундук, мол, богатый, а на улице ветер и дождь, замерз. Одна надежда согревала. Зашел в квартиру – пусто! Оказалось, съехал днем.

– Да наше счастье...

– Смотри, бумага, – Рыжий протянул лист, сложенный вчетверо. Егоров развернул его и тут же обрадовался:

– Это сертификат – ложки из чистого серебра!

– Сколько они стоят? – возбужденно спросил Рыжий.

Егоров бросил взгляд на часы:

– Через полчаса открывается универмаг, сходим туда и посмотрим, сколько такие стоят.

– Точно! – обрадовался Рыжий.

– Только их надо как-то сбыть? Трудно будет.

– Трудно? – усмехнулся Рыжий. – Да у меня купец есть.

Возьмет все.

– Можно и наколоться?

– Да нет мужик надежный. Я ему, слава Богу, за десять лет сдал товару...

– Да, может, так по мелочам...

– Он брал у меня и золотой портсигар, и орден Ленина.

– Ну ладно, едем в универмаг, посмотрим, что нам Бог послал.

В посудном отделе универмага таких ложек не было. Были серебряные, но меньших размеров и с другим рельефом. Возле продавца стояла полная женщина и крутила ложку в руках.

– А где гарантия, что их делали в Швейцарии, а не где –нибудь, в Польше? – сомневалась она.

– У нас есть сертификат, а вот смотрите знак фирмы его подделать не так просто! – уговаривал клиентку продавец. Егоров такой знак видел на присвоенных ими ночью ложках. Рыжий тоже подметил это и когда они отошли, он спросил ошеломленно:

–Кто же за такие деньги покупает посуду!

ГЛАВА 7

Вечером, сразу же после отбоя к Картавому в барак пришел Цыган, с ним еще двое – Косой и парень, которого Картавый видел впервые.

– Это Васька Барахло, – Цыган ткнул в сторону парня пальцем. – Он махаться умеет...

– Тише вы там, – послышался с соседних нар недовольный голос.

Цыган подошел к недовольному, скинул с того одеяло и злобно зашипел:

– Пикнешь еще – без глаз оставлю! Понял?

Тот понял и натянул одеяло на голову. Картавый ловил на себе оценивающие взгляды соратников. Ситуация для них была далеко не проста – они здорово рисковали. Хотя он тоже рисковал, но он риск любил и сам его искал.

– Чинарик-то так себе, – объяснял Цыган. – Если бы не Кабан – тот двоих сделает. Есть еще двое-трое стоящих, а остальные, так – дешевки.

– Люкша, кажись? – Косой смотрел в сторону двери: кто-то вошел в барак.

– Да нет, Опарыш, – возразил Цыган.

Опарыш полный и какой-то вялый, неторопливо подошел к нарам Картавого. Видимо, наводку получил точную.

– Поговорить с тобой хотят, – произнес он скучным голосом. – Выйдешь в умывальник?

– Да вот, с ребятами базар кончу, – процедил сквозь зубы Картавый. – Пока подмойтесь!

Опарыш кивнул и, внимательно осмотрев ребят, неторопливо двинулся к выходу.

– Я возьму на себя Кабана, – заторопился было Цыган, но Картавый остановил его:

– Значит так, вы заходите, я следом. Ты, Цыган, объяви, мол, пахан идет!

Цыган кивнул.

– Ну, пошли! – Картавый поднялся. Все направились к выходу. У дверей умывальника Картавый остановился и кивком приказал всем входить. Вскоре громко прозвучал голос Цыгана:

– А вот и пахан!

Картавый, что есть силы, ударил в дверь ногой, она с треском распахнулась. Те стояли в один неровный ряд. В центре и чуть впереди Чинарик, рядом высился Кабан. Картавый прошел и встал напротив них. Справа от него встал Васька Барахло. Глядя на его злое решительное лицо, становилось ясно: тот настроен драться. Слева встал Цыган. Он, шало улыбаясь, водил взглядом по лицам противников. Косой тыкался между ними. Хотя в умывальнике было сумеречно, тем не менее, Картавый замечал в глазах противников насто-роженность и страх. Читать взгляды он умел.

Тишина стояла такая, что капли, срываясь с многочисленных сосков, оглушительно громко бились о дно металлического корыта. Чинарик стоял вальяжно. Он демонстрировал улыбкой, что ему черт не брат, но губы при этом подрагивали. Сбить его с ног не составляло труда, а вот Кабана ударом не свалить. Тот весил килограммов сто и себя просто так побить явно не позволит... Их было больше. Все глядели на Картавого, пытаясь угадать, в чем же его превосходство, что он так нагло демонстрирует, а может просто берет на понт? Их глаза мяли его бицепсы, щупали плечи и пытались мысленно завалить.

Вдруг отворилась дверь, и скрипучий голос произнес:
– Вот, Чинарь, и пришла тебе хана.

Чинарик и Кабан повернули головы – этого было делать нельзя. Картавый тут же ударил носком тяжелого ботинка по опорной ноге Чинарика. Тот, охнув, осел, а Картавый уже схватил мизинец левой руки Кабана, с хрустом выворачивая его. Все ошеломленно застыли. Кабан в бешенстве замахнулся, но понял: со сломанным пальцем он ничего сделать не сможет, и бешено сверкая глазами, выругался. Цыган мгновенно прочувствовал обстановку и весело осведомился:

– Может, кто еще хочет?

Никто больше ничего не хотел. Дело было сделано.

– Отбой ведь был? – спросил Картавый. – Давайте по кроватям!

Васька Барахло вдруг изо всех сил ударил кулаком Чина-

рика в челюсть, тот рухнул на пол:

– Кому сказали – расходиться! – Голос Васьки звенел от радости.

Чинарик поднялся и, испуганно обернувшись, попятился к двери – он оставался всего лишь шестеркой. Злобно ругаясь. Кабан вышел следом. За ним заторопились и остальные. Последним плелся Опарыш. Косой, хорошо махнув ногой, ударил его в толстый зад. Опарыш, хрюкнув, мигом пролетел дверь. Все весело рассмеялись.

– Ну, спасибо! – Люкша шумно выдохнул. – А то этот Чинарик все нервы мне измотал!

Люкша был среднего роста и в годах, голова изрядно поседела, цвет лица говорил о тяжелой болезни.

– Ну ладно, ребята, давайте расходиться, поговорим завтра! – предложил Картавый.

Все шумно попрощались.

– Подожди! – Картавый остановил Люкшу. – Говорят, выходишь?

– Завтра! Помирать отпускают.

– Друга бы навестить надо, – Картавый вздохнул, – если сможешь.

Люкша тяжело и с надрывом закашлял. Картавый, глядя в измученное лицо пожилого человека, подумал:

– В санаторий бы ему, хотя, наверное, уже поздно.

– Где друг-то? – с трудом выдавил Люкша?

– В Челябинске.

– Мне через Челябинск ехать – остановлюсь. Что передать?

Картавый объяснил, как найти Емелю и что тому передать.

– Так Емелю я знаю, а что жив еще?

– А почему он должен умереть?

– Так ему Меченый пару лет тому назад почки отбил.

– Я не в курсе. А кто такой Меченый?

– Из молодых да ранних. Родимое пятно у него на правой щеке, прямо под глазом начинается и до самой шеи.

– Как бы его найти.

– Да на свободе он давно, где теперь обитает никто не знает.

– Ну, ладно, заскочи пожалуйста.

– Понятно, – протянул Люкша. – Ты не беспокойся, сделаю лучшим образом.

– Как же в лагере такой беспредел оказался?

– На правильном ходу зона была раньше – такая братва! Богатый заказ на лес пришел – нагнали мужиков. Отыяву по крытым распасовали. Пацаны на меня зону оставили, а меня почти сразу в больницу, в тюремный блок – два литра гноя из легких выкачали. Вернулся, а здесь уже бакланы. Спасибо тебе.

Люкша открыл кран и принялся пить, а Картавый вышел из умывальника и прошел в барак. Когда он опрокинулся на нары, сердце засадило.

Перед этой отсидкой встретил он женщину, звали ее Маргаритой. Она просила называть ее Маргошей. Шалава была, но Картавый привык к ней, баловал подарками. Ему нравилось наблюдать ее детский восторг при этом. Она была капризна, надует свои губки и так качнет головой. Но ее капризы не доставали его. Он знал, Маргоша у него ненадолго, как обычно. Потом будет другая, потом будет еще. Но вдруг другой ему не захотелось. Сейчас она вспоминалась и вспоминалась, и ничего он с собой поделать не мог.

– Маргоша! – прошептал он с нежностью, но тут же, подумал, – гуляет, шалава. Сволочь!

ГЛАВА 8

– Тридцать два, тридцать три...

Егоров подтягивался на перекладине, зацепив ногами двухпудовую гирию.

– Тридцать четыре... – Подтягивался с трудом, через силу

– Тридцать... Тридцать...

Но этот подъем уже не осилил. Егоров выпустил перекладину из рук и, широко расставив ноги, расслабился, глубоко вздохнул, а затем с шумом выдохнул. На веранде было солнечно, босые ноги приятно ощущали тепло некрашенных досок. Он повесил на шею полотенце, но пройти в душ не успел – хлопнула калитка, во дворе появился Рыжий.

– О кей! – потирая руки, произнес он. – Купец смотрел товар в универмаге – цену дает подходящую.

– Не обуют нас? – вяло поинтересовался Егоров.

– Да ты что? Договорились так – отдаем тремя частями, деньги каждый раз...

– Ну ладно, – Егоров открыл в полу веранды люк, спустился в погреб, через минут пять появился с пузатой сумкой в руках, – Здесь ровно треть!

– Так, ты иди за мной, – заторопился Рыжий, – но не близко. Дойдем до сквера, я зайду, а ты иди мимо. Встань на остановке. Там сквозь ограду меня будет видно. Я на лавочке ся-

ду, ко мне должны подойти...

Егоров кивнул и скоро переоделся. Рыжий перекинул ремень сумки через плечо и вышел со двора. Егоров выждал с полминуты, затем двинулся вслед. Когда в поле зрения появились ворота сквера, Рыжий обернулся и чуть заметно кивнул. Егоров прошел мимо, как договорились, но сквозь литую решетку ограды он увидел: в сквере былолюдно, тамшел митинг он остановился. Рыжий прошел к лавочке, рядом гудела толпа.. двое мужчин подняли на руках женщину и она оказалась выше всех на две головы. Женщина задекларировала:

Если здравицы время,
Значит время анафем!
Значит правду в застенок,
Значит слово в монахи.

Возбужденная толпа зашлась в одобрительных криках.

К присевшему на лавочку напарнику подошел высокий мужчина. Было далеко, черты лица не разглядеть.

Рядом с Егоровым остановился джип, из него два парня стали вытаскивать бутылки с пивом и просовывать их сквозь ограду, за которой собрались десятки подростков, лет пятнадцати-семнадцати.

– Кто-то планирует беспорядки, – решил Егоров, не выпуская из виду Рыжего.

Тот раскрыл сумку, мужчина переложил ее содержимое в свой баульчик. Когда напарник появился в воротах, Егоров поспешил к нему:

– Ну что?

– Все на мази! – сообщил Рыжий, показывая пачку денег.

Они дважды повторили подобную операцию. Сквер к тому времени был уже пуст,

– Не думал я получить столько! – алчно улыбаясь, заметил Рыжий, наблюдая, как Егоров пересчитывает деньги. Тот постучал, выравнивая, торцом пачки по столу. Рыжий заерзал на диване, а затем осевшим голосом попросил:

– Мне бы тысяч...

– Что проиграл?

– Так ведь...

– Ладно, деньги они на то и деньги, чтобы их тратить, а если...

– Поделим, как всегда?

Егоров улыбнулся и принялся раскидывать пачку...

– Да, – неожиданно произнес Рыжий, – видел на нашем складе людей, много машин, все иностранные...

Егоров насторожился:

– Думаешь, товар завезли?

– Похоже, что завезли...

Склад, о котором шла речь, Рыжий брал четыре года тому назад. Тогда был наводчик. Сторож этого склада так подготовил решетку на окне, что ее можно было отжать и в обра-

зовавшуюся щель мог протиснуться некрупный человек. Тогда Рыжий хорошо наварил. Хозяева этот склад после кражи бросили. Потом это помещение снимали разные фирмы. Рыжему хотелось еще раз проверить операцию с окном, но на складе постоянно складировался товар неподходящий для изъятия – то сантехника, то металлопрокат, и вот, кажется...

– Ты проверил, там все по-прежнему?

– Да, – подтвердил Рыжий, – Все так... люди другие. Никто не знает про окно.

– Что завезли на склад? – задумчиво произнес Егоров. – Может, мусор?

– Да люди там солидные, машины, узкоглазые.

– Ну, что ж, когда?

– Да, прямо сегодня.

– Ты думаешь?

– Вдруг увезут завтра, а? Да и масть у нас пошла.

– Ну ладно, где встретимся?

– Как обычно.

Они договорились, кто что возьмет, и Рыжий ушел. Егоров подождал, пока хлопнет калитка, а затем прошел в кресло у камина. Оживив кострище парой полешек, он включил телевизор. У здания мэрии буйствовали подростки, горели урны, летели в полицейских камни. Он убрал звук, и в наступившей тишине, загляделся на пламя,

Он себя вором не считал. Однажды пришлось ему кражей доказывать свою правоту... А может, дело совсем не в этом?

Вроде бы течение его жизни никак не предвещало такого положения. НИИ. Диссертация. Почти готовая и не липа. Красивая идея, уже воплощенная в расчеты, чертежи и схемы. А потом случилось...

А вот его напарник был действительно вор.

– Пять ходок у меня, – как-то с гордостью сообщил он Егорову.

А когда Егоров поинтересовался, почему тот выбрал себе профессию, которую не признает трудовое законодательство, Рыжий объяснил:

– У меня судьба такая!

Судьба, по мнению Егорова, величина значительная и в жизни человека играет огромную роль, но и сам человек ей был, по крайней мере, равноправный партнер. Так что на одну судьбу все валить не стоило бы.

Егоров любил сидеть у огня, смотреть, как пламя, отражаясь в благородной бронзе, весело играет внутри хмурого дикого камня, как потрескивают дрова, как старчески шипят угли и живое тепло ласкает лицо. Вдруг он замер в ожидании, все его чувства обострились – сейчас стоит только ветру стукнуть или...

Наташа умерла у него на руках, умерла спокойно, с улыбкой. После смерти жены ему вдруг стало неинтересно жить. Абсолютно ничего не надо и что вор он или кто-то там еще, стало как-то без разницы. Стыдно? Ему стало на всех плевать. Время шло, но боль утраты не проходила, и не было от

нее покоя. И только кража вызывала волнение, да так сильно, что на время он забывался. Его тянуло на кражу, тянуло для того чтобы забыться, чтобы лишь чуть отдохнула душа, тянуло так сильно, как наркотик тянет наркомана.

На улице, неподалеку, остановилась машина, стукнула дверца. Егоров вздрогнул, как всегда показалось: во двор вошла Наташа. У него заколотилось сердце: вот-вот она откроет дверь и спросит:

– Чем ты занимался без меня, а? – и встряхнет своими пепельными волосами.

Он знал, что она уже не войдет, но сердце в это не верило, сердце еще ожидало...

Ему стало невыразимо больно. Он набросил ветровку и вышел на улицу – быстрая ходьба ослабляла боль. Недолго покружив по городу, и ощутив упругую работу сердца, он направился к остановке, что бы вернуться обратно на автобусе. На остановке стояли три парня, двое молодые, один постарше, поплечистее и его взгляд уколол Егорова. Один из молодых, самый мелкий, произнес:

– Так хочется кому –нибудь вмазать.

Егоров невольно обернулся – на остановке, кроме парней, он был один.

– Ребята, как вы кстати – подумал он, а к нему уже направлялся желающий вмазать. Второй, с крашеными волосами, заходил сбоку.

– Закурить не найдется? – с наглой улыбочкой спросил па-

рень, у которого чесались кулаки.

– Курить вредно, – насмешливо отозвался Егоров.

– Ах ты гад, – замахиваясь, парень шагнул вперед. Егоров, сделав шаг влево, наступил на что-то скользкое и оказался в положении лежа. Встать не дал ему парень, который упал на него, и тут же все трое его облепили и обездвижили.

– Постойте, – остановил намечавшееся избиение мелкий. – Пусть встанет, я хочу его с одного удара завалить

Егорова отпустили, он поднялся.

– Ну, давай. У тебя вроде ударчик получается, – одобрил его желание плечистый.

Парень ударил, Егоров отшиб руку в сторону, обхватил легкое тело юноши и швырнул его на плечистого, и тут же нагнулся, пропуская удар крашеного, и жестко ударил его локтем в солнышко, тот согнулся пополам. Егоров выпрямляясь, не останавливая правую руку, ударил плечистого, который уже метнулся к нему, в челюсть, удар получился, тот рухнул навзничь. Крашенный согнувшись, еще не мог поймать воздух, а мелкий резво рванул с остановки. Подошел автобус, Егоров сел. Сердце колотилось, дышалось глубоко, из тела уходила дрожь. Усаживаясь на сидение, он подумал: хороший сон в эту ночь ему обеспечен.

ГЛАВА 9

Колонна грузовиков медленно двигалась по таежной дороге, если просеку, очищенную лишь от пней, можно было назвать дорогой. Даже на небольшой скорости заключенных немилосердно трясло, и за час пути от лесопильного производства до лагеря так изматывало, что... впрочем, это никого не интересовало.

Заключенные сидели на скамейках внутри металлических коробов, которые у заднего борта были открыты и схвачены толстыми прутьями. Все стремились сесть поближе к решетке – там совсем рядом воля. За решеткой сидели два солдата с автоматами и собаки, ненавидевшие по воле хозяев людей в темной одежде. Картавый сидел у решетки и задумчиво глядел на огромные сосны, на недалекие горы. Рядом сидела собака, и если бы он просунул руку сквозь решетку, то смог бы ее погладить. Картавый гладить собаку не собирался, собаки его не любили и боялись. И этот пес тоже косил на него глаз и тихонько повизгивал. Солдат – охранник, не понимая в чем дело, дергал собаку за поводок. Кабан сидел тоже у решетки, у другого борта грузовика. Его мизинец еще был перебинтован, но освобождение от работы кончилось. На днях выходил из карцера Брезгун. Похоже, они попытаются отмазаться. Картавый вздохнул и краем глаза поймал

изучающий взгляд Кабана.

– Смотри, смотри, – усмехнулся он и вспомнил Полковника...

– Ну, представляй, – говорил Рэм, – В голове должен быть полный порядок.

– Да не могу, расплывается все тут же, мельтешит, – жаловался Картавый.

– Ну, на, посмотри еще! – Рэм поднес к лицу Картавого яйцо, которое тот никак не мог представить перед своим мысленным взором и удержать хотя бы некоторое время в памяти. Насмотревшись, Картавый закрыл глаза, но четко яйцо представлялось недолго, вскоре оно запрыгало, замельтешило, и вот – уже виделось черт знает что!

Полковник ударился в воспоминания:

– Ссылали меня лет десять тому назад в Иркутскую область, поселок есть там один... я на квартире у старого бурята жил. Отец его в молодости ламой был, встретил он женщину, а жениться ламам нельзя – или вера или баба. Он выбрал бабу! Хотя веру не бросил, и сына в своей вере воспитал.

В поселке тоска, от нечего делать я стал у этого бурята учиться их религии. В общем, глупость это, но я научился видеть свой внутренний мир. Он огромный, целый Космос, гигантская пустота... а когда бурят умирал, то признался, что бросал веру. На одном руднике, около села Ламское есть секта огнепоклонников, говорит похожая на нашу, только много

древней. Храм тайный у них в горе, никто из непосвященных не знает о нем, он случайно, когда ходил за грибами, увидел, как около огромной сосны, двое жрецов откидали ветки и прошли за кусты и исчезли... Гора эта стоит прямо на берегу реки Обманки, за третьим поворотом от моста, если вниз по течению ...

– Дикари, во что только не верят!

– Не скажи, я научился у них управлять мыслями, чувствами, инстинктами. Это помогло мне шагнуть за порог!

– Порог? – переспросил Картавый.

– Да, и если ты хочешь...

– Я хочу!

Пришло время, и Картавый научился мысленно производить с яйцом различные действия – крутить его, ставить на полку... Рэм взял в библиотеке уголовный кодекс.

– Полезная книга, – потряс он перед носом у Картавого и открыл ее на первой попавшейся странице. – Ну-ка взгляни, не читай, а просто посмотри и запомни как картинку, вот отсюда и до сюда. – Полковник показал ногтем, чуть ли не половину страницы, – а потом прочитай в памяти.

Картавый уставился в книгу. Рэм захлопнул ее через минуту.

– Ну, давай!

Картавый прочитал в памяти с трудом и не совсем точно только несколько строк.

– Не густо... Ты не читай, просто пробеги взглядом, не

вникай в смысл. Потом уж вспоминай и осмысливай. Понял?

– Не знаю!

– Ну, давай еще раз!

Рэм вновь раскрыл книгу, но подержал ее открытой чуть дольше. Картавый повторил и ошибся только в двух местах.

– Хорошо, – похвалил его Полковник. – Давай еще раз.

Картавый справился на этот раз чуть лучше. Рэм протянул ему книгу:

– На, тренируйся!

Читать по памяти Картавый выучился, и вскоре мог, просмотрев сразу две страницы, воспроизвести их почти без единой ошибки.

– А ты способный, – удивился Рэм, – тебя имеет смысл натаскивать!

– А что дальше?

– Дальше? – Полковник помолчал. – Как бы это тебе объяснить... Ты должен избавиться от страха – это не просто, но необходимо! Страх неуправляемое чувство. Понимаешь, его следует выжигать начисто, а не то выскочит он как-нибудь вдруг... да главное не в этом... Люди чувствуют, когда человек не боится. Когда нет в глазах человека страха – это настораживает, пугает.

Лицо Рэма сделалось отрешенным, его восточные черты обозначились явственнее.

– Страх – это часть человеческой сути, – продолжал он, – Инстинкт самосохранения зверя, когда слабеют колени... но

сейчас этот инстинкт вполне может заменить разум... Избавиться от страха можно, и дело тут не в природной смелости, а... я бы сказал, в философии, в силе разума. Страх покинет тебя, если ты всем нутром поверишь в неизбежность всего происходящего. Если суждено – подавишься за столом, если не суждено, то выйдешь из любой опасной ситуации. Да и что страшного в самой смерти – если бы ты был вечен! Скажу тебе – смерть не страшна! Тебе это любой скажет, кто посмотрел ей в глаза, те, кто умирал, это знает... Когда смерть становится неизбежной, основной инстинкт покидает человека – смерть он встречает без страха! Чувство страха умирает первым, и некоторое время человек живет вне основного инстинкта – так сказать в мертвой зоне... человек иногда возвращается к жизни, возвращается к нему и чувство страха... но оказывается можно научиться жить в мертвой зоне, перешагнуть через порог – собственный страх. Немного тренировки и ты ...

– А как тренироваться-то?

– А вон, – скривив губы в улыбке, Рэм кивнул на заключенных, – выбирай!

Драку начать, как оказалось было не сложно. Картавый дрался постоянно, чуть ли не каждый день.

– Ты трусил, было заметно, – шипел Полковник после очередной драки. – Чего боялся? Получить в морду? Дави инстинкт – это чувство досталось нам от зверя, замени его разумом – мгновенный анализ и тут же решение! Понял?

– Понял.

–И что ты дал ему ударить себя в челюсть, резко убирай в сторону голову и ногами работай, бей его по костям ноги.

Вскоре в камере, да и не только, панически боялись Картавого.

– У, змей, как пацана испортил! – потихоньку шипели заключенные, возмущаясь Полковником, тот лишь скалил зубы.

Вспоминалось легко, ярко, подробно... был в камере зек, щупленький, со странной фамилией Щур. Картавому доставляло удовольствие издеваться над ним. Щур ненавидел Картавого, да так, что ненависть эту было не скрыть, она так и перла из его маленьких поросячьих глаз. Картавый постоянно держал его в поле зрения – хотя тот и был настороже и отличался завидной ловкостью, но случалось, что он зевал и получал по «соплям». С разбитым носом ничком валился на нары. Картавый с удовольствием слушал, как тот давится слезами.

– Надо же, – усмехнулся он, – какой же я был пацан!

Полковник потешался вместе с Картавым над плотной, угрюмой ненавистью сокамерников. Однажды ночью он разбудил его:

– Делать нас хотят, – шепнул он и сунул ему в руку кусок арматуры остро заточенного с одного конца. – Долго же они собирались!

Единственная лампочка висела у входа, но и при ее свете

Картавый видел, как к ним приближаются пять фигур в нижнем белье. Рэм вскочил неожиданно, следом резво поднялся и Картавый, в их руках блеснули шлифованные концы заточек. Мужики, шедшие по их души, оторопело остановились

– Ну что же вы не спите? Да и нам не даете!?! – смеясь, спросил Полковник.

Мужики напасть не решились и разбрелись по нарам, зная, что кара последует. Утром одного из них – Вальта, нашли задушенным. Кто это сделал, никто не слышал, или слышал да промолчал. Картавый спрашивал Рэма: мол, не ты ли? Тот лишь смеялся.

Картавый уже думал, что достиг всего, но Рэм его не хвалил, а становился, глядя на него все задумчивее и задумчивее.

– Ну, как я выгляжу? – спросил однажды Картавый, напрашиваясь на комплимент.

– Начальная подготовка неплохая, – ехидно улыбнулся тот.

– А еще многому надо учиться?

– Основной инстинкт ты только чуть подавил... Тебе еще предстоит шагнуть... пройти еще дверь!

– Так учи!

– Этому уже не научишь.

Картавый вопросительно взглянул на Полковника.

– Это случится само собой, – вздохнул тот.

– Когда, где?

– Где, не знаю, может, в тихом переулке или в лесу, а может, на квартире. | В этот момент машина тряско прошла яму. Картавый очнулся.

Кабан смотрел на него, не отводя полного ненависти взгляда. Картавый усмехнулся и взглянул сквозь решетку на волю: на горы, за которыми города и множество свободных людей. И он там будет и будет очень скоро, а пока потерпит, ради этого стоит терпеть...

– Ну, ты что темнишь? – возмутился Картавый. – Говори толком. Что дальше-то?

– Душа у тебя спокойная, – заметил Рэм, – прямо-таки человеческая. Ее пока не возмутишь, не поставишь на дыбы, а потом не уложишь по-своему... В общем, это ты поймешь, когда убьешь...

Картавый убил, не прошло и полгода, как освободился. Убивать нужды не было, подельщик, что присвоил деньги, вернул их и слезно каялся – но ему захотелось авторитета, и не только... Сжав в руках нож, Картавый шагнул к приговоренному им на смерть, тот все сразу понял и в ужасе замер...еще шаг, но, оказалось, убить не так-то просто, что-то не давало это сделать, что-то в нем страшно противилось этому...

– Беги! – приказал он, но тот был парализован страхом и беспомощно смотрел Картавому в глаза. Ножом ударил, словно кто-то другой, он лишь отметил, как на его руку брызнула густая теплая кровь. Реальность отодвинулась на вто-

рой план. Картавый смотрел на дергающегося в агонии человека, а его сознание не воспринимало то, что именно это он убил. Когда он поднял голову, то заметил в глазах подельников страх. Они поспешно прятали взгляды, встречаясь с его глазами. Он чувствовал, что в груди что-то тает, и наступило острое ощущение власти, какого-то могущества и наслаждения. Тогда он догадался: Рэм точно убивал, и делал это он для собственного удовольствия – Полковник разглядел в нем родственную душу. Момент первого убийства вспомнился, ярко, с мельчайшими подробностями. Он ощутил, как глаза его загораются.

Картавый вновь поймал взгляд Кабана, а тот, заметив нечто в его глазах, поспешно отвернулся. Рядом завывала собака.

ГЛАВА 10

– Ну! – торопил Егоров.

– Сам знаю! – огрызнулся Рыжий.

Надо было отдать должное – тот хотя и делал все не так, как хотелось Егорову, но получалось у него ловко. Рыжий отжал решетку и протиснулся под нее на подоконник и, прижавшись к оконным рамам, открыл форточку, затем просунул в нее руку с крючком из толстой проволоки и оттянул шпингалеты.

– Быстрее, быстрее! – но уже про себя торопил Егоров – из-за угла мог вывернуть прохожий или появиться машина. Они как на ладони – фасад склада, где располагалось окно, выходил прямо на улицу. А прохожие бывают разные: одни сделают вид, что ничего не заметили, у других служба такая. Охранник обходы не делал, а если и делал, то крайне редко – как тот выходил из своей стеклянной будки у ворот, они не видели. Рыжий отворил створку окна и отжал решетку с внутренней стороны. Егоров с тревогой наблюдал, как натянулся провод сигнализации – вот-вот порвется, но его напарник благополучно проник в помещение склада. Егоров подав ему воровской инструмент, уложенный в брезентовую сумку, проскользнул следом. Рыжий закрыл окно и застопорил его гвоздем, который легко выходил из гнезда. Теперь, если

даже кто и посмотрит на окно с улицы, ничего подозрительного не заметит.

В помещении склада было темно. Только у входа горела лампочка небольшой мощности. Но и этого света оказалось достаточно, чтобы сразу убедиться: склад пуст! Стеллажи, что тянулись по стенам метра на три в высоту, были абсолютно голые. У стены справа стоял большой контейнер. Подельники в надежде поспешили к нему. Контейнер оказался бронированным, стенки толще обыкновенного, два круга номерных знаков – этакий сейф объемом кубов на пять. Рыжий отворил его дверцу и хохотнул:

– Пуст!

– Так вот почему охранник сидит на месте! Охранять-то нечего! – оставаясь внешне спокойным, заметил Егоров.

– Точно! – согласился Рыжий и предложил. – Ну что, по домам?

– А зачем для склада, в котором ничего нет, охрана? Это удовольствие нынче дорогое.

– Ты думаешь...

– Думаю, что товар должны скоро привезти, потому и поставили охрану!

– Надо сечь за складом?

– Сечь надо!

– Сколько? Неделю? Месяц? Попробуй, усеки!

– Товар должен быть скоро!

– Завтра?

– Завтра и поставили бы охрану!

– Ночью?

– Думаю, что да!

– Так давай уходить!

– Уходить? Ведь все равно возвращаться.

– Точно! – Рыжий осклабился и обвел взглядом помещение. – Спрятаться есть где. Вон, под стеллажами.

– Пойдет, – согласился Егоров.

– Значит, ждем?

– Выходит так.

Рыжий был одет так же, как и в прошлый раз. Егоров поменял лишь куртку, сегодня на нем была кожаная, кургузая, затертая. Говорить не хотелось, и они, молча замерли в тревожном ожидании...

Еще совсем недавно жизнь Рыжего текла по-другому. Он в одиночку промышлял по карманам беспечных пассажиров городского транспорта. Егоров засек его за этой далеко не простой и опасной работой в автобусе и вышел на той же остановке, что и тот – ему нужен был напарник. Рыжий после некоторых уговоров согласился поработать вместе. Вначале ему казалось, что Егоров делает все не так и даже как-то глупо, но после того, как они сорвали такой куш – таких денег Рыжий в руках никогда не держал – он стал в Егорова верить и, как оказалось, не напрасно...

Послышался гул автомобильных моторов, они бросились к окну. Из-за угла появился черный БМВ, за ним "ГАЗ» –

ТЕНТОВИК

– Кажется, хозяйева, – прошептал Егоров.

Машины прошли по улице и свернули в переулок, по звуку легко было определить, те подъехали к воротам склада.

– Прячемся! – прошипел Рыжий, и юркнул под стеллажи слева. Егоров метнулся вправо. Загремел замок, дверь склада закрипела. Щелкнул выключатель – под потолком загорелась еще одна лампочка, чуть добавляя света в полутемное помещение. К сейфу подошли двое. Один молодой, крепкий, второй заметно старше. На плечах они несли объемные, но, видно, не тяжелые тюки.

– Для начала неплохо! – сбрасывая тюк, заметил молодой.

– Еще бы! – согласился второй.

– Ты это здорово придумал, через границу переправить меха с турецкими бумагами.

– Кстати ты, когда крепили итальянские этикетки, не перепутал их?

– Да нет. Я в карманы бумажки положил с номерами.

– Интересно итальянские шубы раза в три дороже турецких будут?

– Может чуть меньше!

– Ладно, поторопимся – эта канитель уже надоела.

Они вышли, но вскоре вернулись с такими, же тюками на плечах. Неизвестные быстро перетаскали и уложили вовнутрь контейнера десятка полтора тюков, а затем закрыли замки на нем, причем каждый закрыл свой, прикрывая

телом набор шифра.

– Не доверяют друг другу, – усмехнулся Рыжий и с сожалением подумал:– Такой сейф не возьмешь! И инструментом не поработаешь – охранник рядом! Эх, черт!

Когда те вышли, и на дверях загремел замок, Рыжий выполз из-под стеллажа и пересек склад.

– Ты где? – окликнул он напарника. Тот не отзывался. – Слышь....

Рыжий в недоумении замер. Вдруг внутри контейнера что-то щелкнуло, заскрипело, дверь отворилась, и на пороге появился Егоров.

– Ну, ты даешь! – с восхищением произнес Рыжий. – Я даже не заметил, как ты забрался туда!

– Да после их третьей ходки. Они на выход, я вовнутрь и за тюки.

– А если бы не смог открыть?

– Я видел устройство запорного механизма – открыть пара пустяков. Воздух только тяжелый, одна канифоль!

– А я-то думал, не открыть! – жадно вглядываясь внутрь, заметил Рыжий. – Что в тюках-то?

– Меха! – Егоров извлек нож и вытолкнул из сейфа один тюк. – Надо выбрать ценное...

Даже сильно похудевшие тюки едва протиснулись между окном и решеткой.

Каждый взял по два, и они побежали к машине. Затем повторили ходку. В багажник поместился лишь один тюк,

остальные разместили в салоне

– Еще раз? – жадно спросил Рыжий. Егоров кивнул:

– Пара тюков поместится.

Они притащили еще четыре тюка, их пришлось привязать к багажнику. Рыжий вернулся к складу и установил решетку на свое место:

– Может еще придется вернуться.

Они сели в машину. Егоров тронул с места.

– Куда едем? – поинтересовался Рыжий, определив, что шеф направил машину не к дому.

– Есть тут у меня одно место, – неопределенно объяснил Егоров. – Как насчет купца, чтобы разом...

– Да тот и возьмет. Он берет все, только дешево. Может, самим...

– Самим опасно.

– Сколько времени?

Егоров бросил взгляд на часы.

– Уже пятый час.

– Утром позвоню. Жалко только – товар хороший, ходовой. Ведь за пол – цены возьмет.

– Понятно, что за пол – цены. Самим сбывать, базар долгий...

– Ладно, ближе к девяти позвоню. Возьмет он, вот увидишь.

ГЛАВА 11

Прозвучал длинный звонок – конец рабочей смены, тут же оборвался скрежет лесотяги, и наступила сладостная тишина. Промзона пришла в движение, зеки потянулись к выстроившимся у ворот грузовикам. Картавый занял свое место в кузове ЗИЛ-а и смотрел на кусок фанеры, укрепленной на стене будки – «Водитель, приготовь машину к досмотру».

Уставшие после тяжелой работы зеки ехали молча. Дорога свернула к небольшой быстрой речушке. На другом ее берегу, высоком и обрывистом, стояла могучая сосна – это рослое и ветвистое дерево было видно издалека. Дорога стала отворачивать от реки, но зеки, не отрываясь, смотрели на сосну, дружно поворачивая головы.

– Все, в последний раз смотрю на это дерево, – радостно заметил Цыган, он сидел позади Картавого, – а знаешь, даже как-то жаль!

Цыган завтра выходил на волю. Последнее время он был возбужден – часто без причины смеялся, разговор стал у него торопливым и не очень ладным.

Картавый вздохнул – он завидовал парню. Разговор угас, остальную часть пути ехали молча. На территории лагеря их построили, пересчитали. Не успел он опуститься на нары, как прибежал Цыган.

– Письмо от Люкши! – махая конвертом, сообщил он, и уселся рядом.

Картавый осевшим голосом попросил:

– Читай!

Цыган разорвал конверт и принялся читать, но Картавый перебил:

– Читай про себя!

Тот, молча зашевелил губами. Когда он оторвался от листа, на котором было с десяток строк, Картавый, скрывая волнение, спросил:

– Что пишет?

– Помирает Емелин Федор Прокопьевич, – сообщил тот, – Уже в сознание не приходит.

– Емеля! – у Картавого дрогнул голос. Емелю ему было жаль.

– Что делать-то теперь? – спросил Цыган.

– Так, – прошептал Картавый, – значит судьба! Тебе придется съездить к одному человеку.

Картавый объяснил Цыгану, как найти Черепа, и предупредил: – Плохой это человек! Не связывался бы я с ним, да деваться некуда.

– Ладно, – усмехнулся Цыган. – Разберусь как-нибудь.

– Вначале домой езжай. Взгляни на своих, – советовал Картавый.

Тот возразил:

– Сначала дело сделаю!

– Ну ладно? – вздохнул Картавый и принялся объяснять, как найти Черепа.

– Пусть отдаст мои причиндалы, Череп знает... провернули мы с ним пару дел и я к нему больше не ходок, и тебя не посылал бы, да ... документы пусть оформит на наш комбинат, азер у него есть знакомый.

Картавый еще долго объяснял Цыгану, что тот должен был сделать, а потом спросил:

– Ты все понял?

– Да что тут не понять, – шало отозвался Цыган.

– Если ты это сделаешь...

– Да сделаю, сделаю, – его лицо стало озабоченным, – как я тебе знать дам, что у меня получилось?

– Даже не знаю, – прошептал Картавый, – письмо идет долго, шифровать как – то придется – ведь прочитают. Да письма часто теряют.

– А знаешь! – Цыгана озарило. – Сосна у обрыва!

– Ну?

– Когда все сделаю, приеду и встану под деревом, на работу поедете, меня увидишь.

– Понял – отлично. У тебя парень светлая голова.

– Ты туда и беги, я тебя встречу!

– Буду следить, если что, я туда сразу!

– Ну, что еще?

– Да все, наверное, – Картавый вздохнул, – иди, я тебя ждать буду!

Ночью он уснуть и не пытался – вспоминал Емелю, он был уверен: тот поможет, как помогал всегда и вот все катится к чертям...

Череп не тот, поможет, если будет уверен, что густо наварит. Сволочь! Да куда деваться. Цыгану на дорогу туда три дня, да обратно три, считай неделя. Неделю еще надо, чтобы все оформить, достать, переслать, договориться, а вдруг... Цыган еще пацан, свобода так пьянит, там сразу мысли делаются другими. Картавый сам это испытывал не раз – забудет, не захочет. Об этом Картавый даже боялся подумать. Все складывалось как-то не так. Он не мог контролировать события – оставалось только ждать и надеяться.

Утро следующего дня Картавому не принесло облегчения, его движения были вялы, бездумны, если бы его вдруг спросить, что он делал десять минут тому назад, то он вряд ли мог сказать. Поездка в зону ушла в небытие, он удивился, оказавшись рядом с лесотягой. Скрежет двинувшейся цепи привел его в чувство, он увидел спешащего к нему Косого.

– Слышь, – бросил тот, запыхавшись.

Картавый вопросительно взглянул на него.

– Никодимыч стукач!

– Да, – протянул Картавый, – Откуда знаешь?

– Вчера вечером, значит, смотрю, медсестра вышла из медпункта, а я там, в шкафчике спирт накнукал, я туда, только пузырек за пазуху, как слышу, кто-то входит, я под стол, клеенка длинная, меня не видно. Слышу, звонит по телефо-

ну и голос Никодимыча, Рябову, гад, докладывает, мол, в зоне дурь толкает Барый, а Картавый шишку теперь держит.

– Так? – Картавый озлобился и не только потому, что он, как и все зеки, стукачей ненавидел – быть под присмотром во время побега? Да и ребята его молчать не любят, проговорятся – следовало принимать меры.

– То-то я думаю – торопился Косой – чего это Никодимыч бухой все время и слесарем по вентиляции поставили, включил пару моторов и свободен. Всю смену, козел пьяный, где-нибудь дрыхнет. Вот малину себе сделал, гад позорный. Что делать будем?

– Надо найти его?

– Ладно, побегу!

– Найдешь, приходи.

– Хорошо! – бросил Косой и заторопился наверх.

Картавый, под скрежет лесотяги задумался, стараясь вспомнить все, что было связано с Никодимычем. Ему все казалось, что тот был рядом, когда он толковал с Цыганом, когда провожал Люкшу. Гад, явно не одного зека сдал.

Косой появился лишь к концу смены и, виновато пожав плечами, сообщил:

– Как сквозь землю козел провалился!

ГЛАВА 12

День начинался весело. В небе ни облачка. Солнце было лишь на полпути к зениту, а уже всюю пекло.

– Вот сдадим товар, и исполнится твоя заветная мечта...
– улыбаясь, говорил Егоров.

Они расположились с Рыжим на траве, возле старой водокачки, которая в юности Егорова было далеко за городом, а теперь многоэтажные дома бестолково толклись совсем рядом.

– Станешь ты богатым...

Рыжий угрюмо промолчал. Его заветной мечтой было иметь нормальную, как у всех людей, голову, а человеку с такой дурацкой башкой даже богатым быть не интересно.

Егоров лежал на спине и смотрел в голубое безоблачное небо, настроение было не самое плохое – после полосы неудач у них за этот месяц выгорает уже третье дело. Ночью они вынесли из склада шестнадцать соболиных шуб.

– Тысяч на двести каждая потянет, – вначале предположил он. Купец предложил меньше, но не на столько что бы можно было расстраиваться. Осталось только скинуть товар. Денег у него скопилось прилично. Как жить дальше?

Вспомнилась Наташа. Лицо жены было печальным, строгим. Таким оно становилось, когда она была чем-то недо-

вольна. Егоров сглотнул сразу набухший комок. Он бросил взгляд на часы – купец товар забирать не торопился.

– Может, еще раз позвонишь?

– Да подождем, – не согласился напарник.

Он лежал на траве и щепкой пытался сбить с пути муравьишку, но тот, куда бы его Рыжий ни направлял, все время стремился в одну и ту же сторону – насекомое знало, чего хочет. Послышался звук автомобиля. Егоров насторожился. Из переулка выскочил грузовичок. Рыжий отрицательно покачал головой.

– Кажется, купец сорвался, – усмехнулся Егоров. – Делать-то что будем?

– Да договорились железно! – обиженно протянул Рыжий. – Мужик надежный.

Они замолчали. Егоров задумался. Деньги есть. С деньгами можно что-то придумать: например путешествовать. Разные страны, материки, но на душе такая боль, ни в какой Африке от нее не спрячешься. А почему путешествовать? Можно в экспедицию! На вершину или в пещеру, в джунгли, в глубину морскую – там риск, адреналина может, больше чем в воровстве! Надо так и сделать, сдать товар и все – завязать, бросить. Егорову стало легко. Он вдруг понял, что может жить по-другому – воровать противно. Вновь слышался звук автомобиля и из ближайшей улицы выскочил фургон "УАЗик"

– Ну, наконец-то! – с облегчением выдохнул Рыжий.

Вскоре фургон подкатил к ним и из кабины вылез невысокий узкоплечий парень.

– Давай товар! – сходу потребовал он.

– Покажи сначала деньги! – остановил его Егоров.

Тот вернулся в кабину, достал кейс и, подхватив его под мышку, спросил:

– Товар где?

– Пачки будем распечатывать, – предупредил Егоров.

– Ладно, – согласился узкоплечий. – Сначала бы на товар посмотреть?

– Покажи ему, – крикнул Егоров напарнику, и Рыжий с парнем ненадолго скрылись в будке.

– Товар хороший, – похвалил узкоплечий, когда они вернулись, и направился к машине. Он открыл заднюю дверь фургона, оттуда выпрыгнул крупный мужик. Его смуглое, с тяжелой нижней челюстью лицо и автомат в руках делали ситуацию абсолютно ясной.

– К стенке, – спокойно произнес он, даже не пытаясь пугать оружием. Была в его скрежещущем голосе такая убежденность в своем превосходстве, что Егоров растерялся. Он всегда терялся перед наглостью, лишь потом спохватывался – этот мужик с тяжелой челюстью не грабил, он просто их не считал за людей. Егоров побрел к будке.

– Ты, сплюснутый, – прикрикнул бандит на Рыжего, который не спешил выполнять команду. – Я что сказал?

Рыжий не переносил, когда ему напоминали о форме его

головы, но тут промолчал.

Шофер начал таскать из будки и складывать в фургон меха. Смуглый стоял у машины и равнодушно смотрел куда-то вдаль. Егоров с напарником, прислонившись к стене, растерянно наблюдали, как их товару налаживают ноги. Наконец, узкоплечий закончил. Бандиты не торопясь перекурили, затем шофер полез в кабину, а смуглый забрался в фургон, одной рукой придерживая дверь. В другой у него была скорострельная игрушка, ствол которой глядел в сторону быстро обедневших подельщиков.

– Пока не повернем, стойте смирно, – предупредил он обыденным голосом, но его холодный цепкий взгляд говорил: иначе будет плохо – в это верилось сразу.

Машина тронулась с места, Егоров дернулся, но Рыжий схватил его за руку:

– Это же Череп!

– Тот самый?

Машина повернула за поворот и исчезла из вида.

– Все – закрываем лавочку, – спокойно произнес Егоров, хотя внутри у него кипело.

Они опустились вниз, где в кустах была спрятана машина. Егоров завел "Жигули", подождал, пока Рыжий усядется рядом, а затем придавил педаль газа – машина рванула с места. Егоров в бешенстве гнал "Жигули" по проселку. Трясло и кидало, но Егоров, вцепившись в баранку, не сбавлял скорость.

– Говорил ведь Заика – мочить надо Черепа! Боятся, козлы, – запричитал Рыжий. – Надо же, сколько добра ушло!

Когда выбрались на шоссе, Егоров дал себе волю – мотор запел, девятка шла за сто сорок.

– Гад позорный! Падла, как не повезло... Ну, ништяк, ништяк! – всю дорогу Рыжий ныл, проклиная судьбу. У Егорова и так было паскудно на душе, да еще это нытье напарника – хотелось остановить машину и набить ему морду.

– Может, этот Череп не так и опасен? – сдерживая себя, спросил он.

– Торопыга тоже так посчитал, а Череп взял да и отрубил ему голову.

– А ты видел? Может не рубил? Знаешь, многие любят пустить слушок для авторитета!

– Мне Стакан рассказывал, он сам был там. А потом подтвердил Рамс, Гоблин тоже был там. Дело было возле мебельной фабрики, прямо за гаражами. Череп взял топор, маленький такой, с такими туристы ходят, и сказал Торопыге: ты, гад, делай, что велю, а то башку смахну. Торопыга ему не поверил. Даже газеты писали: нашли, мол, мужчину без головы.

Егоров подъехал к дому и остановил машину. Рыжий подождал, пока тот загонит "Жигули" в гараж, и они вместе поднялись в дом. Рыжий сбросил ботинки, прошел к столу. Егоров сел напротив и зло заметил:

– Купец-то твой сдал нас! Разобраться бы с ним!

– Че разбираться? На крючке он сидит у Черепа! Ясное дело.

– Ну и что с того? Что так козлу и спустить?

– Если Череп кого зарядил – не сорвешься!

– Теперь выходит наша очередь?

– Засветились мы...

Егоров надолго засмотрелся в окно. С его места были видны лишь крыши домов напротив, да небо. Было заметно: он напряженно размышляет. Рыжий молчал, ждал, что скажет шеф.

– Я думаю, Черепа надо будет сдать, – наконец, произнес тот.

– За что? – поинтересовался Рыжий.

– За убийство.

– За Торопыгу? – уточнил Рыжий.

– Да. За него. За убийство срок будет не маленький.

– За Торопыгу много не дадут. У него четыре судимости.

– Неважно. Его будут судить за убийство человека. У самого Черепа, поди, уже есть судимости?

– Есть, но вот сколько, не скажу.

– Видишь, он – рецидивист. Срок будет приличный!

– А дадут ли? – Рыжий скептически поджал губы. – Имей в виду – против него показаний не будет.

– А Рамс? А Стакан? А Гоблин?

– Да нет, те побоятся!

– А может, ты что-нибудь и за ними знаешь? Чтобы их

прижать можно было!

– Да, кое-что есть. За Стаканом – пара магазинов, а у Рамса так себе, зашел в аптеку, а там и брать-то нечего. А Гоблин... я не хочу его подставлять, все таки работали одно время вместе. Но все равно, они не попрут против Черепя.

– Там будет видно, – Егоров поднялся и подошел к шкафу, где на полках лежали кипы старых газет. Он был спокоен, бешенство улеглось, потому что знал: наехать на себя вот так запросто он не позволит. Егоров начинал охоту и чего бы это ему не стоило... Череп противник страшный, но всего лишь уголовник и явно умом не отличается, так что...

– Сначала примемся за Стакана, – Егоров разложил газеты на столе, взял ручку и чистый лист бумаги. – Что знаешь за ним.

– А че я знаю? Все...

– Ну, какие магазины, когда...

– А! Ну, это....

Через час анонимки были готовы. Егоров запечатал их в конверты, надписал адреса и подал их Рыжему.

– Бросишь в ящик у почтамта. Давай, отнеси сейчас же!

– Ладно, – согласился Рыжий и поднялся с дивана. На улице было пасмурно. Он доехал до почтамта на автобусе. Бросив в щель ящика оба конверта, прошел к остановке, сел в трамвай и удобно устроился на сиденье у окна – путь предстоял неблизкий. Дом, в котором он снимал комнату, находился на окраине города. Трамвай бойко стучал колесами о

рельсы. Чем дальше от центра, тем дома становились все ниже и ниже. Их облик делался попроще, уже не было в них аристократизма домов центральных улиц, а ближе к окраине дома пошли сплошь развалюхи, в которых нужда глядела во все окна.

– Не понимает шеф воровской жизни, – думал Рыжий, – не вор он, хотя и ворует. Не может вор дать показания на своего, хоть убей! И это не просто опасно, но есть и воровская честь, да язык не повернется! Всегда было так – кто сильнее, тот и прав. Что тут поделаешь, закон джунглей. Череп сильнее, да еще как сильнее. Против него ничего не сделаешь, надо понимать! Хотя Егорова, и сам черт не поймет, вроде, тоже не прост, ох как не прост. Но Череп есть Череп!

Рыжий сошел с трамвая за остановку до своей. На углу стояла старая церковь, деревянная, давно просившая ремонт. Ради нее он и сошел заранее. Рыжий замедлил шаги, ему хотелось зайти вовнутрь, хотелось зайти уже не раз, но почему-то он не решался. Сегодня в церковь входили и выходили из нее люди, в основном женщины, чаще пожилые, но были и молодые, хорошо одетые. Рыжий вошел тоже. Внутреннее убранство поразило его: богатая роспись стен и потолка, блеск золота, и голос – густо наполнявший большое помещение. Рыжий постоял в толпе молчаливых, чем-то похожих друг на друга людей. Может, выражением лиц? Их, верно, делали похожими мысли об одном и том же.

Рыжий осторожно, стараясь не мешать службе вышел. От

церкви он спустился вниз к маленькому домику, где у одинокой старухи снимал комнату. Тихо отворил дверь, что бы не беспокоить пожилую женщину и прошел к себе в комнату. Сегодня почему-то в глаза бросилась убогость его жилища. В голове мелькнуло: он может позволить себе жилище и побогаче, но хлопотать ему было лень, да и большой надобности в том не было – он привык к простоте своего существования.

ГЛАВА 13

Ночью в барак пришел Косой. Картавый еще не спал, в последнее время он спал совсем плохо.

– Слышь! – без предисловий начал тот, усаживаясь на край нар. – Мужики треплют, мол, Никодимыч на крыше лесопильного цеха целыми днями дрыхнет. Мол, лежка там у него. Нажрется и туда.

– Завтра проверим, – бросил Картавый.

– Ага! Я слажу, потом тебе скажу!

– Ты только, когда полезешь, не засветись!

– Да есть лестница со второго этажа, не видно ее.

– Ты это зря расспрашивал про Никодимыча...

– Да я не спрашивал, сам разговор зашел.

– Ладно, иди!

Косой кивнул и исчез, а Картавый еще долго пытался вспомнить: мог ли подслушать Никодимыч его разговоры с Цыганом? И не дай Бог, кто из пацанов проболтался!

На другой день в промзоне, едва лесотяга со скрежетом тронулась с места, к Картавому подошел Косой. В глазах читалось радостное возбуждение.

– Все, засек я Никодимыча, – заторопился он, – видел я, как поднялся он на крышу. Гад, с утра нажрался – в дрыбаган!

– Ты спирт который спер кончил ?

– Да ты что? Я его заныкал, хотел со всеми...

– Бери спирт, пойдем угощать другана, да так, что бы ко-
решки свои уже нигде не пустил!

– Приходи ко мне через полчаса, – предложил Косой, – я
все подготовлю!

Он метнулся наверх, к цеху. Картавый глянул на часы и
принялся, под лязг лесотяги и ленивый матерок работающих
мужиков, ждать...

Косой встретил его у ворот цеха. В огромном помещении
стоял грохот, рабочие сновали вокруг гигантских пилорам,
никому до них не было дела. Они по железным ступенькам
лестницы поднялись на залитую гудроном крышу, на кото-
рой двумя шеренгами торчали вентиляционные трубы. Дул
легкий ветерок, но было тепло. Слесарь по вентиляции Ни-
кодимыч, как и утверждал Косой, был здесь. Он лежал подле
трубы и шум работающего вентилятора нисколько не мешал
ему спать. Грязная телогрейка служил ему постелью, вторая
была уложена под голову. Глядя в худое рыжеватое лицо, бы-
ло понятно – это спит пьяный. Тот не услышал, как к нему
подошли.

– Ты хватай за одежду, – предупредил Картавый, говорил
он довольно громко, что бы перекрыть шум работающего
вентилятора, – никаких следов на теле! Понял?

Косой кивнул. Картавый искоса наблюдал за ним, тот по-
нимал, что предстоит, лицо его выражало решимость чело-

века, готового броситься в ледяную воду.

– Где спирт?

Косой достал из-за пазухи пузырек, до половины наполненный прозрачной жидкостью.

– Ты уверен, что это спирт? -

– Да я хлебнул вчера, – виновато признался Косой, – спирт чистейший!

– Положи пузырек и хватай друга за рукава!

Косой поставил дрожащей рукой пузырек на гудрон и, чуть помешкав, упал на спящего. В то же мгновение Картавый встретил взгляд побелевших глаз проснувшегося зека, в его груди поднялось злобное волнение. Он схватил Никодимыча за волосы и тот забился в руках заключенных. Косой держал его руки крепко, да и стукачок этот силой не отличался. Картавый опрокинул его спиной на свое полусогнутое колено. Никодимыч не кричал, то ли понимал: из-за шума работающего вентилятора его будет трудно услышать, то ли от страха лишился голоса.

– Угости корефана, – прокричал Картавый.

Тот мотнул головой и поднял пузырек.

– Осторожнее, – предупредил Картавый. Косой влил сквозь стиснутые зубы Никодимыча порцию спирта, тот закашлял.

– Помногу не надо, – крикнул Картавый, – в легкие попадет. Давай еще!

Спирт еще раз булькнул, после нескольких вынужденных

глотков Никодимыча затошнило.

– Подожди! – остановил напарника Картавый.

Никодимич судорожно сглатывал, изо рта шла слюна.

– Дай ему нюхнуть! – распорядился Картавый. Косой поднес к носу зека пузырек, тот мотал головой: изо рта и носа ударила рвота. Картавый закинул Никодимычу наверх голову и зажал ему ладонью рот и нос. Зек изо всех сил вырывался, но его держали крепко. Рвота набивала тому носоглотку, он судорожно глотал ее, тут же корчась в новой рвоте. Вдруг он захрипел – блевотина пошла в легкие. Через минуту Никодимыч забился в судорогах и затих. Из его широко раскрытых глаз быстро уходила жизнь. Картавый убрал руку и с отвращением вытер ладонь о свою рубашку, затем, осторожно взяв пузырек со спиртом, обжал его ладонью покойника.

– Он что... того? – беспокойным голосом спросил Косой.

Картавый испытующе взглянул в его побледневшее лицо:

– Дорвался до бесплатного и захлебнулся в блевотине, это бывает.

–А, – понимающе протянул Косой, словно и не был участником происшедшего.

Картавый придал телу покойника положение спящего, поправил телогрейки – ничто не должно свидетельствовать о том, что здесь была схватка.

Затем они прошли к лестнице, но прежде чему ступить на ступеньку Картавый еще раз окинул взглядом труп, ему казалось, что он что-то упустил, не заметил. Спустившись в

помещение цеха, Картавый зашел в умывальник и с отворачиванием отстирал блевотину с рубашки, не снимая ее с себя.

– Никому ни слова! – предупредил он напарника. – Понял?

Косой кивнул, он уже оправился от потрясения.

– Наши друзья хотят отмазаться! – довольно спокойным голосом предупредил он. – Брезгун мочой исходит, мол, по рву гадов!

– Пускай хотят! Мы их мордой в парашу!

– Вот, вот и я так думаю! – обрадовался Косой – слова пахана его здорово взбудрили.

ГЛАВА 14

– Рамс со Стаканом вторую неделю, как в КПЗ, а Череп в ресторане "Центральный" спускает наши с тобой денежки. – Рыжий сидел на диване и невесело скалил зубы. Видимо представляя, что у него в руках настоящее оружие, он целился куда-то из своей зажигалки.

– Откуда знаешь, что в ресторане?

– Да уж знаю, поверь.

В доме Егорова, словно, был покойник. Хозяин такого результата не ожидал – анонимка дошла до назначения, свидетелей взяли, а Череп – на свободе!

– Вот он твой распрекрасный план. Сработает, сработает!

Я ж тебя предупреждал! – ворчал Рыжий.

– А, может, ищут Черепа? Ну не могут найти, прячется.

– Прячется-то он всегда прячется, но вот менты его не ищут, знаю доподлинно. Когда менты кого ищут, шорох идет...

На Рыжем нескладно сидели затертые джинсы, ворот клетчатой рубашки, по обыкновению, был грязен. Егоров же одеваться умел, на нем всегда было то, что ему шло, и что не обращало внимания. Он стоял у окна и рассеянным взглядом встречал и провожал прохожих:

– Значит, свидетели не заговорили...

По его лицу возраст определить было трудно, но волосы на голове заметно редели, в глазах чувствовалась житейская умудренность.

– Черепа надо наказать! Не оставлять же так, – билось в мозг, но конкретно в голову ничего не шло.

– Слышь! – заговорил Рыжий. – Мне один мужик рассказывал: около их сада была какая-то, химическая установка – огромная. Так вот, она взорвалась несколько лет тому назад, и все садоводы ходят туда трубы отпиливать, там их – море. А этот мужик нашел лаз наверх и говорит, что там есть платина, кило пять или шесть.

Егоров, рассеянно слушая напарника, думал о своем:

– Говоришь, пять килограммов?

– Может, и больше.

– Так, – протянул Егоров. – Верить можно?

– Откуда я знаю? Проверить ведь не долго.

– Не долго – этот верно, – процедил Егоров, думая о своем и вдруг предложил – расскажи, что знаешь про Черепа? Где живет, чем занимается?

– Занимается чем известно, – осклабился Рыжий. – А вот где живет, где укрывается, как говорят менты, – это вопрос.

– След – то, наверное, взять можно?

– След брать опасно... Начнешь расспрашивать, шепнут Черепу, встретит...

– Ты говорил что-то насчет ресторана "Центральный", мол, бывает там.

– Бывает – это точно, но там ты его не увидишь. Балкон в ресторане есть специально для блатных. Как приходят, как уходят – в тайне. Хозяева марку берегут – блатные клиенты самые богатые, такие деньги там оставляют. Да если что случится, с хозяина спросят, будь здоров, спросят, да так, что...

– Неужели нельзя осторожно разговор навести?

– Если у Заики? Там народ собирается разный поиграть в карты.

– Ну, вот и сходи... Не хочешь?

– Так ведь без денег карту тебе не сдадут, а в гости туда не ходят!

– У тебя нет денег? – удивленно протянул Егоров.

– Кончились, – хмуро подтвердил Рыжий.

Часть добытых ими денег Егоров не делил, объяснив: это на развитие дела. Часть Рыжий оставил шефу на сохранение,

потому что у самого они не держались, а остальные словно испарились. Две недели он ходил по ресторанам, пил и жрал что подороже, да к тому же здорово не везло в карты.

– Да куда ж ты столько денег дел?

– Мои деньги, куда хочу, туда и деваю. Че, я тебе отчет должен давать что ли? – неожиданно окрысился Рыжий.

Егоров вздохнул и вышел из комнаты. Вскоре вернулся, держа в руке несколько пачек.

– Хватит?

– А чьи это деньги? Мои что ли? – подозрительно спросил Рыжий.

– Общие.

– Для начала хватит, – Рыжий заметно повеселел и засобирился...

Егоров затопил камин, опустился в кресле и вздохнул.

На душе было беспокойно – Егоров верил, что с Черепом он справится, пока неизвестно, как, но он решит эту проблему. Вспомнилась Наташа, ее смерть... Его, словно, обманули – дали надежду на счастье и отобрали. Он как пассажир без багажа стал метаться с поезда на поезд, ничего не оставляя, ничего не находя... Ветер застучал чем-то по крыше. Егорову показалось, что это Наташа вошла в дом, ему даже почудились ее легкие шаги.

– Надо жить как-то иначе, – подумал он. – Надо... Вот с Черепом улажу...

Огонь бился меж диких камней камина, его негромкий

трепетный гул проникал в душу, наполняя ее покоем, тепло обволакивало тело аурой защищенности и уверенности. Из поколения в поколение, сотни тысяч лет, жизнь человека проходила рядом с огнем. Огонь был его счастливой находкой: волшебным оберегом от холода, зверья, нечисти. Подсознание человека явно хранит радостные ощущения, что возникают при общении с огнем, во всяком случае, он сейчас чувствовал тихую странную восторженность.

Егоров не заметал, как его веки сомкнулись, и он увидел... увидел с такой явью, словно его оживили в другом мире – будто стоит он в пещере, в руках копье, на бедрах повязка из шкуры пятнистого зверя. Его тело в напряжении, на душе дикий страх. Во – внутрь пещеры, почти неразличимые во тьме, скользнула тень. В темноте сверкали огромные красные глаза. Спасительный огонь залег, угли едва светились меж камней очага. Хищник приближался, уже было слышно горячее дыхание.

Он отступил, потом сделал еще шаг и вдруг почувствовал спиной холод каменной стены – его загнали в угол. В груди жарко вспыхнула ярость, ярость безысходности – теперь он дорого продаст свою жизнь – так приказывал инстинкт. Вдруг под ногами зашуршала сухая трава, он нагнулся, схватил ее в охапку и бросил на угли, в то же мгновение ярко вспыхнув, огонь поднялся во весь рост. Зверь утробно зарычал, Он на доли мгновения увидел его страшную, поросшую шерстью морду, жуткие глаза. Зверь метнулся к выходу. Он

выбежал вслед за ним, мелькнуло бурое, покрытое шерстью тело и грациозно по-кошачьи, в немыслимо длинном прыжке, исчезло в кустарнике. Он, подняв руки, закричал, он кричал от радости, он кричал предупреждая, он кричал пугая...

Егоров проснулся от стука в дверь – пришел Рыжий.

– Ну, что? – спросил Егоров, когда тот, прошел к дивану. – Узнал что-нибудь?

– Узнал, – самодовольно отозвался Рыжий. – Игра была, я скажу тебе. Подержал я в руках деньги... надо было бросать и уходить, но...

– Ну? – оборвал Егоров.

– Двое про него базар вели. Про Черепа постоянно базар идет, так вот...

– Говори дело!

– В Балаганово он отирается, третий дом по дороге к городу, у дома начинается лесополоса...

ГЛАВА 15

Картавый сидел на бревне. Мужики, вяло матерясь, закатывали на лесотягу бревна. Ее вяжущий, поднимающийся до визга скрежет раздражал его. Говорили: этот визг слышно за пятнадцать километров. Картавый в это охотно верил.

Смерть слесаря по ремонту вентиляции Никодимова прошла без последствий. Администрация лагеря явно решила – это несчастный случай, хотя, наверное, и предполагала убий-

ство, но следствия проведено не было.

Картавый размышлял: что делает сейчас Цыган? Не кинул ли его? А если кинул пацан?

Рабочий день тянулся долго. Мысли Картавого неотвязно тянулись к Цыгану – скорее бы!

После отбоя в барак вошел Брезгун. Он жаждал мести, которую видимо давно и тщательно лелеял.

– Ты выйдешь? – начал он без предисловий. – Или тебя на нарах кончат? – В его голосе не было той твердости, которая бы соответствовала смыслу слов. Брезгун это чувствовал и старался подбирать слова вызывающие и давил на голос. – Да не тараци свои бельма! Кого ты, падла, хочешь напугать? Меня? Да я тебя!

Брезгун, кривляясь и пританцовывая, стоял в проходе. Картавый сидел на нарах, напротив Васька Барахло и Косой. Они понимали: Брезгун трусит, и посмеивались.

– Ну что ж, сам попросил, – Картавый насмешливо взглянул на него. – Я подойду сейчас!

Брезгун повернулся и поспешил на выход. Васька Барахло с Косым поднялись с места.

– Идите! – приказал им Картавый. – Я буду через минуту.

Они один за другим потянулись из барака. Картавый достал нож, который прятал в щели меж досок. Брезгун, как уже сообщили Картавому, за нож хватался легко и уже порезал в лагере двоих. Кто его знает, может, со страха и на него бросится, хотя маловероятно. Картавый привязал нож

к запястью правой руки шнурком длиной с локоть. Теперь, если и вышибут нож, не страшно. Он дернул шнурком и перехватил взлетевший нож.

– Пора! – сам себя поторопил Картавый и поднялся с нар...

Брезгун стоял у окна умывальника, рядом Кабан и еще пара мужиков, их Картавый видел часто вместе с Чинариком, который сейчас отсутствовал. У другого окна стоял Васька Барахло и Косой, на подоконнике сидели двое незнакомых парней – по их глазам было видно – отчаянные.

Брезгун выдвинулся на середину умывальника и, придавая себе храбрости, крикнул:

– Ну, ты... – и повел плечами.

Картавый презрительно заметил:

– Балерина!

Все захохотали. Сравнение было меткое. Васька Барахло схватил рукавицы, что лежали на батарее отопления, и бросил их в лицо Брезгуну:

– Подотрись, мадам!

– Ах ты, гад! – с неподдельной на этот раз яростью заорал Брезгун, выхватывая из кармана нож. – Тебя-то я сделаю!

Двое парней, что сидели на подоконнике, слетели с места и перехватили Брезгуна, бросившегося на Ваську, а тот расчетливо врезал ему в челюсть. Брезгун мягко осел на влажный цементный пол.

Ребята бережно прислонили его к стене. С места никто

не дернулся. Прошла длинная минутная пауза, затем Кабан сплюнул на пол и вышел, за ним вышли мужики. Брезгун медленно поднялся и обвел умывальник мутным взглядом. Видимо, с трудом соображая, где он и что здесь делает. Оpozнав глубоко несимпатичные ему лица, Брезгун поплелся к двери.

– Все! – выдохнул Васька. – Зона наша!

Картавый вяло улыбнулся.

– Ладно, пойду я, – бросил он и вышел. В бараке упал на нары, но уснуть и не пытался. В окне серебрились залитые ярким светом прожекторов упругие кольца колючки. В зоне все ждут: кто амнистии, проявляя нездоровый интерес к политике – вдруг переворот? Да еще с кровью – тогда амнистия уж точно, а кто ждал чуда... Картавый ждал весточки от Цыгана, уже вроде было пора. А, может, он вообще больше не услышит о Цыгане? Ведь тот на воле, а свобода пьянит... там все по-другому, балдеет наверное – что ему Картавый? Видно, придется самому через тайгу... Тайга беглых не любит, сколько их здесь уже сгинуло... конечно, отчаянные уходят – неволя пуще смерти, но доходят не все, да и потом надо как-то объявится, и документы, и жилье, домой не сунешься. Кто-то рядом громко заплакал – это во сне, обычно зеки плачут молча...

Второй срок Картавый схлопотал быстро, не прошло и года, как освободился. Он забил ногами одного насмерть, тот был молодой, да ранний, еще не получавший отпора, а мо-

жет Картавый просто невзлюбил его, как это часто бывало с ним. Его улыбочка бесила Картавого, к тому же в тот день у него было отвратительное настроение. Парень, правда, умер не сразу, а где-то через месяц и поэтому Картавому дали не очень большой срок.

В СИЗО Картавый поимел авторитет и не только у зеков. Во время очередной проверки заключенные стояли, как обычно, в две шеренги. Худенький и злобный контролер по кличке "Тлидцать тли" принялся пересчитывать их. Он, вроде, и не был картавым, только "р" у него больше походило на "л"... а вот Картавый в детстве сильно картавил. Он жестоко страдал от этого и смертным боем бил тех, кто намекал ему на его дефект речи. Правда, когда он подрос, то почти совсем перестал картавить. Лишь иногда, если забывался, проскальзывало что-то в его речи и тогда казалось, что в его словах буквы "р" намного больше остальных... надзиратель дошел до тридцати, заключенные замерли в предвкушении того, как он произнесет цифру тридцать три, чтобы посмеяться, правда, про себя – вслух было нельзя, надзиратель был на редкость мстительным. Когда контролер СИЗО произнес злосчастную цифру, раздался хохот – это смеялся Картавый. Били его вчетвером. Били изощренно, не боясь оставлять следов. Но он принимал побои с некоторым равнодушием, словно били не его, а глаза ловили взгляды палачей, цеплялись за что-то в глубине их зрачков – это выводило надзирателей из себя. Они чувствовали себя неуверенно

и вскоре остановились. Картавого больше не трогали, да и он сам старался не задираться. После недолгого пребывания в СИЗО – суд, и он оказался в лагере. В зоне довелось Картавому встретиться со смертью, лицом к лицу, здесь он увидел, как она выглядит.

В лагере Картавый освоился быстро и кое с кем скорешился, хотя с людьми сходилась трудно. Это случилось в конце августа. Днем еще было лето, а по ночам уже приходила осень. В том году было много грибов. Опята росли прямо на территории лагеря. Вдоль пешеходных дорожек и заборов поднимались сугробы круглых шляпок. Этот день ему запомнился на всю жизнь. Вечерело, и до отбоя оставались считанные минуты. Картавый торопился в барак, он уже взялся за ручку двери, как увидел спешащего Старика.

– Емелю за бараком метелят! – крикнул тот. – Подожди здесь, я за Черепом слетаю! – и он побежал к соседнему бараку. Картавый ждать не стал. Емелю били втроем – Валера Качек и двое азиатов – все родом из Чимкента. Валера, крупный, накачанный парень был у них за главного. Они торговали в зоне анашой. За торговлю наркотиками на территории России их и повязали, но видимо они связи с родиной не потеряли – дурь у них была постоянно. Перед ними заискивали – анаша была желанной для любого – это, хоть и ненадолго, но было подобие воли. Ребята из Чимкента наглели...

Емеля, весь в крови, стоял у стены и смачно ругался. Атмосфера драки возбудила Картавого.

– Слышь, не возбужай! – мягко посоветовал ему Валера. – У нас свои счеты...

Договорить он не успел – Картавый врезал ему в челюсть. Валера качнулся, но устоял. Азиаты дружно бросились на Картавого, они не были сильными, но ловко уходили от ударов и вскоре вцепились в его одежду. На лице Качка появилась улыбка.

Картавому пришлось бы плохо, если бы из-за угла не появился Карим-Казань. В его руках был остро заточенный кусок арматуры, за ним тяжело спешил массивный Череп. Азиаты бросились врассыпную. Следом рванул и Валера...

Картавый смотрел сухими от бессонницы глазами в грубо строганные доски потолка, вспоминалось само собой, но как-то без эмоций, стерто...

Той ночью Картавого попытались замочить. Валера Качек держал его обе руки, один из азиатов сидел на его ногах, а второй душил. В первый момент Картавый отчаянно задержался, но – держали его крепко. Азиат давил горло, хихикая и что-то лопоча по-своему, от него несло дурью. Картавый вдруг успокоился:

– Вот и смертынька моя пришла, – ему было совсем не страшно. Ладно, один из пацанов поднял в бараке "кипешь".

Картавый тогда понял – он побывал в мертвой зоне. Ощущения существования вне основного инстинкта запомнились. Сколько раз Полковник пытался объяснить это состояние, но слова ничего не давали, и вот... теперь он уже знал,

что такое зона мертвых, и мог уже шагнуть за порог инстинкта, хотя при этом чувствовал себя не совсем живым.

К азиатам Картавый ненависть не испытывал, он их даже не различал на лицо, а вот Валеру потом нашел... на другой день после покушения те запросились перевести их из лагеря... да хоть куда! Администрация пошла им навстречу.

Четыре года Картавый лелеял ненависть. Нашел он Валеру там, где и надеялся найти – в Чимкенте. Среди наркоманов Валеру Качка знали. Он с удивлением разглядывал изможденного пожилого человека: некогда огромные бицепсы оплыли, в глазах Валеры была пустота.

– Дай дозу, – с надеждой попросил он у Картавого, – вон в стекляшке у входа хромой сидит, у него дешевле. Сходи, я подожду, не бойся – не убегу...

Картавый нашел взглядом на потолке два сучка, что расположились рядышком, и тень на неровной поверхности доски делала это место удивительно похожим на лицо человека. И это лицо напоминало ему лицо учителя физики. Картавому вдруг вспомнился дом, голоса школьников, спешащих с утра на занятия – через улицу, напротив, стояла старая школа, ему до боли захотелось домой увидеть своих ребят, но тут, же выругался:

– Падла! – кто-то из них сдал его. – Кто? Марек? Может быть Багор? лишь ясно, что не Кац.

Бизнесом Кац должен был заниматься вроде бы для понта, а на самом деле искать клиента – Кац был наводчиком. Но

бизнесом занимался тот в удовольствие, была у него жилка. Тех, у кого есть деньги, Кац вычислял безошибочно, и знал, как к тому или иному подобраться. С упрямыми разбирался Баран. Этого хлебом не корми – дай только отвести душу. Работали все вместе Картавый, Баран, Марек, Багор и его племянник Костик. Если требовалось, Костик приводил еще двоих-троих пацанов. Сундуков было много, но люди с деньгами расставаться не шибко хотели. Баран разбирался лихо.

– Ну что, голуба! – насмешливо приговаривал он, щелкая переключателем утюга. – Сейчас ты у меня станешь шелковым или хлопчатобумажным!

Когда Картавому сообщили, что Барана убили, то первой мыслью было:

– Отмазался кто-то! – и долго он верил, что Барана замочили из мести. Это уже потом пришло – убили, чтобы подставить его!

Картавому самому заниматься выколачиванием денег уже давно не стоило бы, в этом необходимости не было. Уйти бы в тень... об этом Картавый пожалел в день суда. Против него не было железных улик, и даже с его богатым уголовным прошлым, как утверждал адвокат, можно было бы надеяться, но многим хотелось упрятать его за решетку...

Утро пришло незаметно. Картавый не мог понять, спал ли он или ночь пролежал в мутном полусне, в воспоминаниях, в тщетной жажде повлиять на прошлое...

ГЛАВА 16

Он лежал, вжимаясь всем телом в траву. Шнурованный, высокий ботинок замер в метре от его головы.

– Ну, что там?

Егоров узнал голос Черепа.

– Да, вроде, тихо, – отозвался молодой парень в камуфляже, в чьи ботинки уперся взглядом Егоров.

– Смотри в оба! – предупредил Череп и дверь, скрипнув, затворилась. Охранник отошел, но недалеко. Стихло. Было темно. Свет падая из окна дома на кусты смородины, тускло освещал стоящие во дворе машины – «УАЗ» и большой джип.

Наводку Рыжему дали точную – Череп был здесь. Теперь надо было убираться отсюда. Если охранник его обнаружит, придется его хватать – бежать нельзя – у того автомат. В это время в углу сада раздался шорох. Егоров был уверен – это прыгнула кошка, но охранник настороженно вглядываясь во тьму, двинулся в ту сторону. Облегченно вздохнув, Егоров пополз в противоположном направлении, к забору. Он осторожно оседлал его и вдруг повалился вместе с рухнувшими гнилыми досками на землю. Тут же раздался свист – дверь дома распахнулась. Егоров бежал по улице, за спиной заводили мотор и слышались торопливые ноги – кто-то бежал следом. Заворачивая за последнюю дачу, Егоров краем глаза засек охранника – тот отставал шагов на сто. Он влетел

в лесополосу. Меж деревьев быстро не побежишь, кусты и ветки хватали за одежду, били по лицу. Преследователь бежал быстрее. Здесь, уже удаляясь от домов, он мог стрелять. Погоня настигала, но под деревьями было темно. Охранник бежал, ориентируясь лишь на звуки движения. Егоров упал в траву и замер, преследователь приостановился и сделал несколько неуверенных шагов в его сторону. Егоров слышал его дыхание и как тот тихонько матерился. Нащупав рукой палку, он кинул ее наугад подальше. Охранник тут же рванул на звук падения и напоролся на Егорова. Он схватил его за ноги, тот упал, автомат полетел на землю. Егоров тут же оседлал преследователя, но тот хорошо заученным приемом сбросил его и сам попытался подмять противника. Охранник оказался хорошо подготовленным бойцом – это стало понятно, когда они схватились на руках. Изображая, что он профан в единоборствах, а Егоров несколько лет в юности занимался самбо, делал все нелогично – отталкивал руки, пропускал удары локтем и лишь не давал плотно себя блокировать. Неподалеку послышался звук работающего двигателя, от медленно идущей машины долетел голос:

– Серега? Где ты?

– Здесь я, здесь! – весело отозвался Серега, пытаясь заломить Егорову руку.

Хлопнула дверка, из машины вышли, по шагам можно было определить: те направились в их сторону. И тут Егоров ударил охранника в солнечное сплетение – тот не берегся,

явно не уважая противника. Серега согнулся. Удар коленом в челюсть бросил его на землю, Егоров, таясь, побрел навстречу идущим на помощь Сереге.

– Серега! – окликали те, пытаясь уточнить, где их товарищ. Егоров пропустил их мимо себя и пробрался к машине – это оказался "УАЗик", дверка распахнута, внутри никого, двигатель тихо работал. Он сел, включил скорость и ударил ногой по педали газа. Двигатель взревел, машина рванула с места. Он съехал к дороге и погнал по ней. Ударили выстрелы, стреляли из пистолетов, видимо автомат был один и тот валялся в траве.

– Ушел? – он обернулся, огни поселка уже позади, слева лесополоса, впереди зарево большого города. Он гнал машину к дороге на аэропорт, уже была видна вдаль – освещенная фонарями узенькая ленточка, по которой в обе стороны стремительно мчались жучки-машины. Он обернулся и ахнул – со стороны поселка шла машина. По мощному снопу лучей Егоров догадался – это был "джип". Его преследовали. До города далеко. "Джип" имеет скорость вдвое выше, чем "УАЗик". Его скоро догонят. Вдруг он увидел – от дороги в поле уходит ирригационная канава: никакой машине не преодолеть ее. Егоров не раздумывая, проехал мимо канавы и после свернул в поле. Заметив маневр "УАЗика", водитель "джи́па", не подозревая о наличии препятствия, повернул машину наперерез. Егоров вскоре отвернул от канавы, а "джип" был вынужден резко тормозить и возвращаться

обратно, затем обогнув канаву у дороги, прибавил скорость, быстро нагоняя "УАЗик". Егоров придавил педаль газа, дорога, а точнее, бездорожье, было не под скорость, руль бился в руках, машину кидало из стороны в сторону. Наконец "УАЗик" вылетел на берег реки – высокий глинистый яр. Внизу пляж, омываемый беспокойной водой. Егоров оглянулся – огни "джипа" при свете зарождающегося дня померкли, но были уже рядом. Он выскочил из машины, направляя ее вниз, а сам кинулся в кусты. Тут же на берег вылетел "джип", он чуть тормознул, а затем рванулся вниз догонять "Уаз»-ик, который катился уже по песку. Сидящие в машине быстро определили, что "УАЗ»-ик пуст: водитель остался наверху. "Джип", натужно ревя, бросился обратно на крутой берег, но колеса его заскользили по глине, и машина, поднявшись лишь на пару метров, сползла вниз. Егоров уже бежал к строящемуся мосту. На быках были уложены только фермы, но с одной стороны тянулась пешеходная дорожка из досок. Егоров бежал по доскам – далеко внизу блестела вода. "Джип" вновь разогнался по песку пляжа, но и на этот раз подъем одолеть ему не удалось, тогда машина развернулась и отправилась назад, где километрах в двух был обустроен съезд на пляж. Егоров бежал. Рассвело. До конца моста уже оставалось чуть – чуть, как послышался звук мотора. Двигатель стих, хлопнули дверцы. Он обернулся, из машины вышли фигуры в темном, но они остались на месте – его преследовать не стали. Он прошел дворами к остановке автобуса,

который подошел вскоре, наверное, это был его первый рейс. Егоров облегченно вздохнул и сел у окна. Автобус тронулся – он оказался его единственным пассажиром. Сердце билось от возбуждения и усталости. Улицы города были еще пусты, только два рыбака шли навстречу автобусу. Затем прохожие стали попадаться чаще и чаще, на остановках уже кучились люди, автобус стал наполняться бледными и грустными со сна пассажирами – город просыпался. Когда Егоров вошел к себе в дом, то первым делом поставил чай – чай успокаивал его.

– В поселок ехать придется и прямо сегодня. – Подумал он.

В поселке осталась машина, ее могли угнать. Егоров бросил взгляд на часы – автобус маршрутом через поселок уходил через полчаса. Он переоделся на всякий случай, чтобы его не могли опознать по одежде: он был уверен, что в лицо бандиты его не видели, и поспешил на автовокзал. Егоров приобрел билет и сел в автобус, уже ожидавший пассажиров у перрона. Место занял у окна слева. Когда автобус въезжал в поселок, он обыскал взглядом дом, откуда этой ночью едва унес ноги: калитка открыта, окна настежь, на крыльце пустые коробки. Не было сомнений – Череп с этой квартиры съехал! Хотя Егоров и предполагал такой вариант, но все, же расстроился – поди, отыщи его теперь!

"Жигули" дождались своего хозяина, но Егоров не сел в машину, а сходил к дому, где еще этой ночью укрывался Че-

реп, и еще раз убедился – точно, дом пуст! Череп здесь больше не живет!

–Ищи ветра в поле! – раздраженно думал Егоров, заводя "Жигули". Настроение – хоть вешайся, неутоленная жажда мести сушила горло и не давала думать больше ни о чем. Дома, накопившаяся злость на судьбу, на весь мир заставила его метаться по комнате. Он вскоре понял: не успокоится – и отправился на кладбище. На кладбище, как обычно, безлюдно и грустно. Он стоял у памятника и вдруг подумал: камень надо другой – этот из мрамора светлый, а из темного гранита памятник будет гармонировать с ее светлым лицом и волосами. Печали, что всегда приходила, стоило ему увидеть фотографию жены, не было – в душе kloкотала ненависть и оскорбленное достоинство. Он понял – ненависть такое же сильное чувство, как и любовь. Он не успокоится, пока не утолит ее.

– Конечно, Череп – фигура! Мощь, но мощь тупая! Надо его поискать, надо его найти, иначе...

ГЛАВА 17

Грузовики, натужено ревя, поднимались в гору. Под железными коробами было душно – пекло с самого утра. Заключенные ехали молча, глядя на небо на горы, кому, что было видно, и каждый думал о своем, но почти наверняка о воле. У кого срок подходил к концу, те уже торопились

вычеркнуть из него этот едва начавшийся день, кому сидеть еще тысячи дней, ждали, чтобы вычеркнуть год.

Май этого года многим похоронил мечту, многие надеялись на амнистию ко дню победы, но на зоне итак не хватало рабочих рук, а кому-то так был нужен кубометраж.

Картавый сидел у решетки. Он не считал ни дни, ни годы – он надеялся вскоре сделать отсюда ноги... рядом сидел Васька Барахло, на его простом круглом лице легко читалась удовлетворенность жизнью – он входил в силу, его признавали – ему нравилось быть в авторитете. Машины повернули – заключенные увидели речку. У Картавого дрогнуло в груди, сейчас... открылся вид на одинокую сосну, стоящую над обрывом и у Картавого сдавило сердце – рядом с деревом никого! Значит, ждать еще день, а может еще, и еще. Машины прошли ворота промзоны. Солдаты открыли дверцы клеток, заключенные по лесенкам спускались на землю и, разминая кости, побрели по рабочим местам...

Мужики катали бревна молча, лишь иногда злобно матерясь. Картавый сидел на бревне, в голове ворочались тяжелые мысли:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.